

Князя леса

Елизавета Дворецкая

**Огненный волк. Книга 1:
Чуроборский оборотень**

«Автор»

1996

Дворецкая Е. А.

Огненный волк. Книга 1: Чуроборский оборотень /
Е. А. Дворецкая — «Автор», 1996 — (Князя леса)

Если ты сын бога Велеса и вдобавок оборотень, вряд ли твое место – среди простых смертных. И пусть никакое оружие, даже волшебное копье, не в силах убить тебя, обязательно найдется смельчак, который усомнится в этом. И тогда твоя судьба превратится в один бесконечный поединок – за право жить с людьми, а не с духами иных миров или с волками глухих чащоб; за право быть своим у своих; за право дарить любовь и быть любимым. И минует немалый срок, и будет пройден длинный путь, прежде чем род человеческий примет тебя таким, какой ты есть...

© Дворецкая Е. А., 1996

© Автор, 1996

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Елизавета Дворецкая

Чуроборский оборотень

*Ты – дерево, твой ствол прозрачен и чист,
Но я касаюсь рукой, и ты слышишь меня;
Ты – дерево, и я как осиновый лист,
Но ты ребенок воды и земли, а я...
Я – сын огня!*

*Я буду ждать тебя
Там, где ты скажешь мне,
Там, где ты скажешь мне...
Пока эта кровь во мне, и ветер – в твоих ветвях,
Я буду ждать тебя; ждать тебя!..*

Борис Гребеничиков

Глава 1

Осень доживала последние дни – вот-вот выпадет первый снег, замостит дорогу Зимерзле*¹. Было раннее утро, сумерки едва начали рассеиваться, с неохотой уступая земной мир скупому осеннему свету.

Чуроборский князь Неизмир стоял на верхней площадке крепостной стены и смотрел вниз, во внутренний двор детинца*. Там перед раскрытыми воротами конюшен сновали люди, ржали кони, звенело железом оружие и упряжь – дружина княжича Огнеяра собиралась на охоту. Весь Чуробор еще спал, даже на посадке* виднелось всего два-три дымка из печек самых усердных хозяек. Но дружине княжича не было дела до покоя чуроборцев. Собираясь, они громко спорили о предстоящей добыче, покрикивали на челядь, хохотали. Князь Неизмир кутался в теплый плащ из толстой шерсти, наброшенный поверх кафтана на соболях, и все-таки ему было холодно. Шапки он не взял, и стылый ветер шевелил его полуседые волосы. Ему было всего сорок шесть лет, но он чувствовал себя старым и больным. Особенно когда видел княжича или просто думал о нем. А о пасынке князь Неизмир думал постоянно.

Внизу резко скрипнула дверь. Кмети* во дворе дружно закричали, взвыли по-волчьи. Князь невольно содрогнулся, хотя и был к этому привычен. Огнеярову дружину так и звали в Чуроборе – Стая.

На крыльце показался сам Огнеяр, на ходу оправляя широкий кожаный пояс, туго затянутый вокруг крепкого стана поверх накидки из косматого волчьего меха. Он был среднего роста и не поражал могучим сложением, но в каждом его движении видна была сила и истинно звериная ловкость. Длинные черные волосы княжича вольно раскинулись по плечам, шапок он не признавал, да и гребней не любил. В Чуроборе его прозвали Дивием*, и он даже гордился этим прозвищем.

Вскинув ладони ко рту, Огнеяр протяжно завыл, затянул охотничью песню волка-вожака. На обоих его запястьях блестели широкие серебряные браслеты, серебряные бляшки покрывали пояс, серебряными накладками были усажены ножны охотничьего ножа. Вместо меча,

¹ Значения слов, помеченных звездочкой «*», см. в Пояснительном словаре в конце книги.

приличного воину, за пояс Огнеяра была заткнута рукоять боевого топора с серебряной насечкой на обухе.

Кмети радостно завывали вслед за вожаком, самые молодые даже заскулили, как волки-переляки, в азартном предвкушении большой добычи. Кони во дворе и в конюшнях тревожно заржали, по всему детинцу и даже на посаде залаляли собаки. Неизмир ненавидел шум, сопровождающий всем Огнеяровым развлечениям, но был благодарен судьбе хотя бы за то, что из-за пристрастия пасынка к лесам он не так уж часто видит его дома.

Один из кметей подвел Огнеяру коня, и княжич прямо с крыльца вскочил в седло. Его любимый серый жеребец Похвист* грыз удила и переступал копытами – рвался в дорогу. Дворовая челядь поспешно растворяла ворота. Кмети вскакивали в седла – все как один в плащах из серой шерсти поверх волчьих накидок, все без шапок, с длинными волосами, у кого связанными в хвост, у кого перехваченными тесемкой через лоб, у кого, как у княжича, распущенными вольно – от глаз ветром отдует. Издалека они все казались одинаковыми, но князь быстро выбрал взглядом одного. Круглолицый русоволосый парень с густыми черными бровями выпрямился в седле, словно почувствовал взгляд Неизмира, но не обернулся. И князь торопливо отвернулся, боясь сглазить все дело. От этого парня сейчас зависело слишком многое. Может быть, сама судьба князя Неизмира.

Рывком послав жеребца вперед, Огнеяр первым вылетел со двора. Кмети плотным косяком поскакали за ним. Неизмир проводил глазами Огнеяра, с соколиной цепкостью сидящего в седле. Хвост жеребца мелькнул в воротах, грохот копыт прозвучал по мощенным деревянными плахами* улочкам детинца и затих возле посадских ворот. Стая умчалась. А князь Неизмир еще некоторое время постоял на забороле*, глядя на улицу за воротами, словно хотел навсегда запомнить отъезд Стаи. Он надеялся, что сегодня видел это в последний раз.

С оглушительным топотом и свистом дружина Огнеяра промчалась по детинцу и посадку – воротники* едва успевали давать им дорогу, – вылетела из Чуробора и поскакала по замерзшей грязи в сторону темнеющего леса. Разбуженные шумом чуроборцы осенялись знаком огня и облегченно вздыхали. Теперь княжича и его шальной Стаи не будет несколько дней, а то и недель. И многие, подобно князю Неизмиру, желали бы больше никогда его не видеть.

– Не в добрый час княжич на лов* собрался! – говорили воротники, провожая глазами улетающую Стаю. – Ведь ныне Лешачий день* – вся нечисть лесная так и хороводится!

– Вот ему там и самое место! – отвечали им другие. – Где нечисть, там и он. Хоть бы ему там голову свою дурную сломить!

– Поберегись! К живому-то мы уж приладились, на дороге не зевай – и не затопчет. А вот что он мертвым станет творить?

Ответить на этот вопрос не взялся бы ни один чародей*. Собеседники умолкали, осеняя голову знаком огня и держась каждый за свой оберег*. Все-таки на сердце было легче при мысли, что в ближайшее время Серебряного Волка не будет в Чуроборе.

Княжич Огнеяр был оборотнем, рожденным княжной Добровзорой от Огненного Змея. Не все в это верили, но князь Неизмир знал, что это правда. Двадцать лет назад все случилось у него на глазах. Был сумрачный вечер месяца капельника*, но вся капель уже замерзла, прихваченная холодом подступающей ночи. Княжна с подругами гуляла по берегу Белезени и уже направлялась домой. Неизмир, тогда еще молодой сотник в дружине князя Гордеслава, с десятком кметей провожал княжну. Вдруг земля дрогнула под ногами, резко свистнул холодный ветер, и из-под обрывистого берега вылетел огненный шар. Истошно закричали женщины, кмети по привычке схватились за оружие, но руки-ноги у всех онемели, никто не мог даже двинуться. Огненный шар развернулся и принял очертания летящего Змея. Молнией Змей пал на застывшую в ужасе княжну и поглотил ее, завертел в столбе ослепительного пламени, а потом мгновенно рассыпался искрами и исчез. Княжна осталась лежать замертво на сыром холодном берегу среди полурастаявшего снега. Все произошло так быстро, что случайные сви-

детели даже не все успели обернуться на крики. Но тем, кто стоял рядом, казалось, что этот ужас длился нескончаемо долго.

Княжну не чаяли найти живой, но она дышала, только очень тихо. Три дня и три ночи она оставалась без памяти, металась, рвала на себе рубаху и бессознательно просила воды, льда, снега. Ее сжигало подземное пламя, и ни лед, ни самая холодная ключевая вода не могли облегчить ее жажды. Ведуны* и чародеи не знали, как ей помочь, и сами побаивались с ней оставаться. Волхвы* уже стали поговаривать, что Велес* требует княжну в жертву, предрекали беды. Князь Гордеслав наполовину поседел за эти три дня. А на четвертое утро княжна пришла в себя и постепенно поправилась. Но никому и никогда она не сказала ни единого слова о том, что было с ней внутри огненного столба.

А через пару месяцев обнаружилось, что она ждет ребенка. Сначала об этом зашептали женщины княжьего двора, потом заговорил весь Чуробор. Не все верили, что ребенка дал княжне Огненный Змей. А князь Гордеслав не знал, как было бы лучше – окажись отцом Велес или попросту кто-нибудь из молодых чуроборских витязей, хоть тот же Неизмир, открыто восхищавшийся красавицей Добровзорой. Но сам-то Неизмир знал, что он здесь ни при чем.

Младенец родился в зимний Велесов день*, последний день новогодних праздников. Взяв его в руки, бабка-повитуха вдруг охнула и чуть не выронила мальчика – вдоль его спинки тянулась полоска серой шерсти, мокрой, нежной, тонкой, как у новорожденного щенка. Или волчонка.

И тут уж всем стало ясно, что среди молодых витязей виновного искать нечего.

В Чуробор призывали самого мудрого из волхвов-прорицателей всех дебрических земель, прозванного Двоеумом. Он долго смотрел в воду перед огнем со священными травами, накалил в пламени клинок ножа и читал на нем знаки, невидимые обычному взору.

– Сам бог Велес, Подземный Хозяин, явился твоей дочери Огненным Змеем, – наконец сказал он Гордеславу. – Послал Велес в мир земной своего сына и твой род избрал для него. И вижу я в знаках Огня, что непроста будет его судьба. Послал его Велес не впустую, есть у него назначение – принести смерть одному из властителей мира земного. А кому – того не открыли мне боги. Вижу я, что здесь битва богов продолжается, битва Перуна Громовика* и Велеса. Более ничего не открыто мне.

Рождение Огнеяра вызвало много толков в Чуроборе, во всех дебрических землях и со временем во всех говорлинских племенах, куда слухи доставлялись вездесущими торговыми гостями. Многие склонялись к мысли, что младенца следует если не пустить по водам на волю его отца Велеса, то по крайней мере отдать на воспитание в святилище, где он опять же служил бы своему божественному отцу. Но княжна Добровзора с самого рождения полюбила сына больше всего на свете и не желала расставаться с ним, а князь Гордеслав не мог огорчить свою дочь и единственную наследницу.

Через полгода после рождения внука князь Гордеслав выдал дочь за Неизмира, который тем самым стал наследником чуроборского стола. Неизмир происходил из знатного воеводского рода, из которого в древние времена дебричи неоднократно избирали себе князей, и он был вполне достойной парой Добровзоре, но любила она другого человека, и Неизмир знал, что почетным жребием обязан только Огнеяру. Вернее, его появлению на свет, после чего женихи отшатнулись от красавицы Добровзоры – стать соперником Велеса никто не хотел.

В год смерти деда Огнеяру было всего шесть лет, и никто еще не знал, что из него получится. Оборотни и подменыши не живут долго, и люди ждали, что сын княгини умрет, не дожив и до семи лет. Но он жил, словно назло общему толку, рос здоровым и крепким, смелым и задиристым. В детских потасовках, а потом в подростковых воинских учениях он побивал не только всех сверстников, но и противников старше себя. Он был азартен, ловок, неутомим, настойчив до упрямства, свободолюбив и непокорен. Отчима он не ставил почти ни во что, и только мягкосердечной и ласковой княгине удавалось поддерживать мир между сыном и

мужем. Кроме матери, Огнеяр уважал только деда Гордеслава, а после его смерти очень чтит его память. В день посвящения в воины он отказался от меча, который заказал для него отчим, и потребовал отдать ему один из Гордеславовых боевых топоров. С тех пор он не расставался со своим оружием, и вид его каждый день заново напоминал Неизмиру о неповиновении пасынка, в котором он видел прямое неуважение к себе. Но князь молчал, не изливая свое недовольство даже перед женой. С самого детства в глазах Огнеяра был замечен багровый отблеск Подземного Пламени, противного Небесному Огню. Каждый, кому хоть раз случалось заглянуть в глаза сыну Велеса, уносил в сердце трепет и страх перед его полубожественной-полужвериной мощью. Даже князь Неизмир.

У княжеской четы не было другого потомства – должно быть, Велесово пламя выжгло Добровзору и больше иметь детей она не могла. Как видно, Велес не хотел, чтобы у его сына были братья. Вся страсть материнской любви княгини была отдана единственному сыну, так что даже на долю мужа в ее сердце оставалось не много места. И это было еще одной причиной, по которой князь Неизмир не питал к пасынку добрых чувств. Двадцать лет он жил под одной крышей с Огнеяром, скрывая страх, замечал красные отсветы в его глазах. И двадцать лет он думал, не его ли жизнь пришел оборвать сын Велеса. Этот страх лишал князя всех радостей жизни, сделал саму жизнь невыносимой. И вот сегодня, проводив пасынка на охоту, Неизмир надеялся, что этому придет конец.

Выехав в поле, Огнеярова Стая прекратила свист и вой – незачем пугать дичь раньше времени. Сам Огнеяр скакал впереди, выбирая дорогу, и никто из кметей не давал советов и не приставал с вопросами. Вожак во всем разберется сам. Огнеяр с удовольствием подставлял лицо свежему прохладному ветру, жадно вдыхал запахи инея на ветках, прелой листвы, еловой хвои. Пришла наиболее любимая им пора года – предзимье, время первого снега, на котором так хорошо видны следы. Земля теперь заговорит в полный голос – где проскакала молодая куница, где прошел старый кабан. Но до поры глубокого снега, по которому не побегаешь, еще далеко, и все дороги открыты перед тобой – лети, куда глаза глядят. Зима раскрывала белый свет на все четыре стороны, на все семьдесят ветров. В эту пору Огнеяра почти не видали дома. Между белым снегом и темным небом он чувствовал себя свободным и сильным. И сейчас, предчувствуя близкий снегопад, Огнеяр готов был выть от восторга, гнать и гнать жеребца без остановки до самого края света.

Возле дубравы Огнеяр придержал коня, повернулся по ветру, незаметно для взгляда потянул ноздрями. Чуткости его нюха мог бы позавидовать настоящий волк. Воздух для него был соткан из десятков и сотен запахов, и каждый из них он с легкостью читал, как умелая и сведущая вышивальщица читает священный узор. Из дубравы явственно несло густым, теплым, дразнящим запахом кабанов. Огнеяр различал запахи, как ветки в банном венике, знал, сколько здесь кабанов и какие они, – охота обещалась славная. Вот и следы, хорошо заметные на подмерзшей грязи. Взмахом руки Огнеяр послал свою Стаю в обход дубравы. Каждый отлично знал свое место и свою задачу.

Растянувшись редкой цепью, Стая охватила дубраву полукольцом, и по данному знаку два десятка молодых «волков» взвыли за деревьями. Не то что кабаны – настоящие волки не отличали голоса Огнеяровых кметей от голосов своих собратьев. Выпевая охотничью песню, кмети шли через дубраву, а впереди них ломилось перепуганное стадо, наевшееся желудей, – прямо на рогатины* оставшегося десятка, где был и сам Огнеяр.

Вдруг из глубины послышался голос одного из загоняющих:

– Братцы, медведь!

– Берлога! – закричали другие. – Медведя подняли!

Огнеяру уже не нужны были слова – в порыве ветра со стороны рощи он и сам уловил запах взрослого сильного медведя. В досаде Огнеяр закусил нижнюю губу – этого он не ждал.

Бобер глупый, да вон же затес на стволе – а ростом Хозяин на две головы повыше тебя, Дивий, вон куда достал!

Из рощи слышался треск веток, рычание зверя, разгневанного нарушением его первого предзимнего сна. Только-только он нашел себе уютное местечко, сгреб мягкую охапку листвы и веток, залег и мирно задремал, дожидаясь теплого снежного одеяла, а тут на тебе! Свирепо рыча, медведь ломился к опушке, туда, куда его невольно погнали загонщики.

Кмети на опушке изготовили рогатины, но Огнеяр резко махнул рукой.

– Не тронь! Назад все! К лошадям! – крикнул он, и кмети отошли ему за спину, к лошадям, привязанным в нескольких десятках шагов от опушки.

Кто-то протянул ему рукоять рогатины, но княжич отмахнулся: не надо.

Медведь вырвался на опушку. На задних лапах он был выше на голову даже Тополя, самого рослого из Огнеяровых кметей. На опушке он ненадолго остановился, принохиваясь. В нос ему бил запах кабанов, коней, людей и волков. Со сна он был зол, а соображал плохо. Зажатый между врагами позади и впереди, медведь собирался драться за свою жизнь. Одно движение – и он яростно ринется напролом, не разбирая дороги и круша всех на своем пути.

Но сейчас перед его подслеповатыми глазками был всего один противник. Из оружия у Огнеяра был только нож в посеребренных ножнах.

Тот, кого князь Неизмир провожал глазами, подумал, что, может быть, Лесной Хозяин избавит его от хлопот. Медведь силен и зол – без рогатины против него не устоять.

Ожидая медведя, Огнеяр подобрался, в нем проснулась его звериная сущность – он стал смотреть как зверь и думать как зверь. Волк и медведь – не враги, двоюродные братья по деду Велесу, близкая лесная родня. Огнеяру не нужна была смерть Лесного Хозяина, и он хотел попробовать договориться.

Из горла его вырвалось глухое рычание. Медведь повернулся к Огнеяру. Он видел плохо, а в нос ему бил резкий запах волка. Огнеяр смотрел прямо в маленькие медвежьи глазки, взор его загорелся красным. И медведь увидел на его месте не человека, а волка – молодого, сильного волка с гладкой серой шерстью и крепкими зубами. «Не сердись, Хозяин, – уловил он в тихом рычанье, и удивился – далеко не всякий волк мог говорить по-медвежьи. – Я не на тебя охотился. Не знал, что ты тут зимуешь».

«Не учуял – нос заложило? – гневно прорычал медведь, готовясь ударом когтистой тяжелой лапы отбить прыжок. – Вот подойди только!»

«Кабаны запах перебили. Я не со злом. Я уйду. Спи себе».

«А ты потом опять явишься со своей стаей? Когда я спать буду?»

Медведь угрожающе подался к Огнеяру. Кмети стиснули рукояти рогатин, но не двинулись с места.

«Велес послух* – не приду. Будь мне другом», – ответил Огнеяр.

Злоба в глазах медведя погасла. Он услышал Слово, которому не мог не подчиниться. Став опять на четыре лапы, он повернулся и скрылся в чаще.

«Договорились», – с облегчением подумали кмети. И никого это не удивило – многие из них видели и не то. Сын покровителя лесных зверей понимал языки всех звериных и птичьих племен и на многих из них мог говорить сам. В Чуроборе любили поболтать о том, что, дескать, на ловах княжич всю свою дружину превращает в волков или соколов, но это была неправда. Превращать людей в зверей Огнеяр не умел. Однако, если кого-то из его кметей об этом спрашивали, никто не спешил опровергать эти толки. Утреч, мастер поговорить, сочинял такие басни*, что слушатели его раскрывали рты. Даже самому Огнеяру порой случалось заслушаться воображаемыми рассказами о собственных небывалых делах.

– А знатная зверюга! – с сожалением сказал Утреч, веселый светловолосый парень и страстный охотник, провожая взглядом скрывшегося в чаще медведя.

– Не на него шли! – ответил ему Огнеяр, подходя ближе. Он дышал чуть чаще обычного и на ходу утирал тыльной стороной ладони взмокший лоб. – Кабаны – они свиньи и есть, их Велес и развел нам на пропитание. А Хозяин – дело иное, его просто так, спросонья, бить не годится!

«Родич, стало быть!» – улыбаясь, подумал Утреч, но вслух ничего не сказал.

– Жаль – свиней-то упустили! – вздохнул Тополь, высокий, стройный парень.

– Не последние! – утешил его Огнеяр и стал отвязывать Похвиста. – Чего встали? Давай догоняй!

На третью ночь после отъезда из Чуробора Огнеярова Стая остановилась на займище* рода Моховиков, жившего неподалеку от берега Белезни. Две ночи они провели под открытым небом возле костров, но сегодня Огнеяр, оглядев небо и приняхавшись к ветру, определил, что ночь будет очень холодной. А зачем напрасно мерзнуть, если можно поспать в тепле?

Хозяева приняли Огнеярову Стаю с опаской, но отказать в гостеприимстве не могли – и с князем поссориться, и соседи застыдят. Чуроборского княжича знали по всей Белезни, по всему племени дебричей. Никто не мечтал принимать его у себя, но тех, кто принимал, потом долго осаждали расспросами.

На займище в кольце бревенчатого тына* стояло по кругу шесть-семь изб. Из каждой дверной и оконной щели выглядывали блестящие любопытством глаза женщин и детей. А двор займища наполнился шумом, топотом и ржаньем коней, которых привязали к крылечкам по всему двору, звоном оружия и упряжи, голосами чуроборцев.

Огнеяра и его кметей провели в беседу – обширную, вдвое больше обычного избу, где осенью и зимой девицы и женщины собирались на посиделки, мужчины – на советы, где оставались княжеские сборщики дани, заезжие купцы и вообще кому придется. На открытом очаге посередине развели огонь, кметы стали жарить добытого по пути оленя. Вторую тушу Огнеяр отослал старейшине в благодарность за гостеприимство.

Вскоре к ним стали понемногу заходить хозяева – кто принес кваса, кто брусники, кто капусты и репы. На самом деле всем очень хотелось посмотреть на княжича поближе – он еще не бывал у Моховиков, а наслышаны они были о нем порядочно.

Явился и сам старейшина, Взимок, старик с густой и широкой седой бородой, щуплый и разговорчивый. Подарок успокоил его тревогу и раздражил любопытство.

– Ко времени олень ваш пришелся, благо вам буди! – говорил он, усевшись на край лавки у очага, под охраной родовых чуров*. – У нас веселье нынче, всю родню угощаем.

– Что же за веселье? – спросил Огнеяр.

Он сидел прямо на полу возле горящего очага и поглядывал на старейшину снизу вверх, но это его не смущало. Он вообще был совершенно равнодушен к тем досадным условностям, которые называются княжеским достоинством. Гораздо больше смущался сам Взимок – ему было очень неловко сидеть выше княжича, он все хотел встать, но терялся, не в силах сообразить, как следует держать себя с чуроборским оборотнем. Отблески огня играли в темных глазах княжича, и мороз пробежал по коже Взимока от одного их взгляда. Старик так напугал сам себя слухами и тревожными ожиданиями, что теперь видел признаки дурной ворожбы там, где ее вовсе не было.

– Сговор у нас нынче! – важно отвечал Взимок, стараясь не показать, как ему неудобно. – Дочку нашу приехали сватать из рода Лисогоров, вот и сговорили их нынче на добрый век.

– То-то я чую – пивом и медом малиновым пахнет! Что же нас не позовете? – живо спросил Огнеяр. – Мы песни славно петь умеем, а? – Он бегло окинул взглядом своих кметей, и они одобрительно засмеялись. В Чуроборе они не пропускали ни одной свадьбы, и часто после этого ребенок оказывался не только у невесты.

– Да, того... – Старейшина замялся. – У нас в роду обычай от чуров идет – сговоренной невесты никому не показывать, из избы не пускать. А то...

– А то я темным глазом испорчу! – насмешливо досказал Огнеяр то, что сам Взимок не смел произнести. – Не робей, старче, я и не то слыхал. Не хотите невесту показать – не надо, без зова не полезем. Скажи только, когда свадьба, – тура с лова вам пришло.

– Спасибо, княжич! – Взимок с облегчением поклонился, очень довольный, что Огнеяр не настаивает посмотреть невесту. – В Макошину неделю* свадьба, на второй день. Сейчас пирогов вам еще пришлем.

Взимок поклонился еще раз и пошел к дверям, перешагивая через охапки соломы, приготовленные для ночлега гостей.

– Гусли пришли! – крикнул Огнеяр ему вслед.

Вскоре в сенях снова зашумели двери и зазвучали шаги. В истобку* вошли три девушки, видно, самые смелые или самые любопытные во всем роду. Они несли целую гору пирогов в большой деревянной кадучке, накрытой вышитым рушником*, а провожали их два парня. Один из них нес гусли, заботливо завернутые в кусок медвежьей шкуры.

Кмети радостно загомонили, радуясь девушкам еще больше, чем пирогам, вскочили с мест, освобождая дорогу к столу. Смущаясь и краснея, девушки выложили пироги на стол и хотели идти, но кмети их не пускали.

– Посидите с нами! Мы не обидим! Про Чуробор расскажем! Песни споем! Уважьте гостей! – наперебой кричали кмети.

Девушки переглядывались, теребя обереги на груди, и сами не знали, уйти им или остаться. Чуроборские кмети вызывали опасение и жгучее любопытство, и девушкам, которые долгими месяцами не видели у себя на займище никого, кроме своих родовичей, очень хотелось разглядеть их получше. Каждая из них чуть ли не с детства знала всех парней из окрестных родов, пригодных в женихи, а тут вдруг сразу столько новых лиц! Причем далеко не самых безобразных.

– Больно вы ловки – оленей наловили, за нас взялись? А не лопнете? – бойко отговаривалась старшая из девушек, высокая и статная красавица с русыми, рыжеватыми толстыми косами, серыми глазами, чуть широко расставленными, и россыпью веснушек на белом лице, не исчезнувших даже в осенние холода.

– В лесу оленей много, а таких красавиц еще не встречали! – отвечал ей Тополь. – Как тебя звать?

– Березкой, – смело ответила девушка, и кмети дружно расхохотались.

– А меня Тополем, – ответил ей кметь, и девушка тоже рассмеялась.

Тополь и береза – прародители рода человеческого. Оба высокие, стройные, с русо-рыжеватыми волосами, они даже казались в чем-то похожи и сразу понравились друг другу. Без долгих разговоров Тополь взял Березку за руку и увел в угол. Березка упиралась, но больше для вида. Очень скоро они уже болтали и смеялись, будто век были знакомы.

Видя, что Березка решила остаться, две другие девушки тоже сели на лавку перед огнем. Вторая, со светлыми мягкими косами и серо-голубыми глазами, не была такой красивой, но лицо ее отражало добрый и мирный нрав. Один из пришедших с ними парней сразу сел на пол возле ее ног, и никто из кметей, поняв молчаливый намек, не трогал ее, чтобы не ссориться с хозяевами.

Третья девушка была совсем еще юной, не больше пятнадцати лет на вид, русоволосой и сероглазой, со свежим румянцем на открытом лице. Она оглядывала длинноволосых кметей без робости, с дружелюбным любопытством, и кого-то искала среди них.

Огнеяр, по-прежнему сидевший на полу возле очага, быстро obeжал взглядом двух девушек и остановился на третьей. Он и сам сначала не понял, чем она привлекла его внимание. В Чуроборе было немало красавиц, но все они казались дурнушками рядом с его матерью,

княгиней Добровзорой. Не шла с ней в сравнение и эта девушка из лесного рода, но в лице ее было чистосердечное дружелюбие, интерес без примеси праздного любопытства и пустой боязни. Нечасто Огнеяру случалось встречать такие светлые лица, такие открытые взгляды.

Княжич негромко свистнул, и кмети между ним и девушкой мгновенно раздались в стороны. Девушка встретила его взгляд и почти тут же отвела глаза. Она казалась смущенной, но не испуганной.

– Берите пироги! – Тем временем вторая девушка угощала кметей. – Свежие, мы только нынче утром для сговора пекли. Вот тут с грибами, маленькие с брусникой... Да бери сразу, тебе на один зуб! – Она улыбнулась и всунула в руки Кречета сразу три пирога. – А кто с мясом хочет, вот эти, длинные. Сестры, да помогите же!

Березка в углу была занята беседой с Тополем, а третья девушка тоже стала раздавать пироги. Огнеяр ждал, когда она подойдет к нему. Она и правда подошла.

– Попробуй нашего угощения, княжич! – сказала она, протягивая ему румяный пирог. – Хорошо удалась – как будто знали про вас.

– А ты откуда знаешь, что я княжич? – спросил Огнеяр.

Ни одеждой, ни волосами он не выделялся среди других, браслеты, гривны* на шее или серьги в левом ухе многие кмети носили и побогаче, чем у него. Но девушка выбрала в княжичи его, ни на миг не усомнившись.

– Откуда? – Девушка посмотрела наконец ему в глаза, словно удивленная вопросом. – Видно же...

– Что видно?

Она все еще протягивала ему пирог, и Огнеяр взял ее руку с пирогом, чтобы не убежала. А она смотрела ему в лицо, как будто искала ответ, что же ей видно. Пламя причудливо играло в чертах его смуглого лица, правильных и немного резковатых, глаза у него оказались темно-карие, с очень большим зрачком, и в самой глубине их тлел красный огонек. Или это отблеск очага? Или ей мерещится? О нем столько разного говорили, что она ждала увидеть чуть ли не Змея Горыныча, а увидела простого парня... Нет, совсем не простого. Угольная чернота его бровей, темный румянец на скулах, блеск снежно-белых зубов сразу отпечатывался в сознании, весь облик Огнеяра был какой-то резкий, выделяющийся и западающий в память с первого взгляда. Что-то неуловимое отличало его от людей. От людей, потому что он не был человеком. И это отличие бросилось ей в глаза с первого же взгляда, хотя она не смогла бы объяснить, в чем оно.

– Так возьмешь? – не найдя ответа, сама спросила она о пироге.

При этом ей подумалось – если нечисть у тебя возьмет еду, то не обидит, даже поможет. Огнеяр усмехнулся, словно услышал ее мысли.

– А думаешь, нет? – вызывающе спросил он. – Думаешь, я только живой кровью питаюсь, добычу клыками рву?

Не давая девушке времени ответить, он быстро потянул ко рту ее руку с пирогом. Девушка вскрикнула и дернулась – ей показалось, что сейчас Огнеяр ее укусит. Парень у стола вскочил с места, готовый броситься на выручку сестре. Но Огнеяр откусил от пирога и выпустил руку девушки. Она уронила пирог, отступила назад, перевела дыхание. Она слышала, что кмети вокруг смеются, смеется и сам Огнеяр, и застыдилась своего испуга. Поправляя волосы, чтобы скрыть смущение, она кинулась поднять пирог, рука ее встретила с рукой Огнеяра, и девушка снова отпрянула.

– Не бойся, не съем! – весело сказал Огнеяр, снова откусывая от поднятого с соломы пирога. Смятение этой юной и миловидной девушки забавляло и странно трогало его, на сердце у него потеплело, на душе стало вдруг хорошо, как давно не бывало. – Не сама пекла?

– Нет, это здешние, – смущенно ответила девушка, пытаясь улыбнуться и приглаживая без того гладкие волосы на висках.

– А ты ведь не здешняя?

Огнеяр успел разглядеть, что у нее не две косы, как у других, а одна, и рубаха вышита как-то по-другому – он не разбирался в хитростях женских рукоделий, но видел разницу.

– Из Вешничей мы, – ответил тот парень. – Невеста нам по матери двоюродная сестра, вот мы на сговор и пришли. Сестра, иди сюда.

Светло-русыми волосами и лицом парень был так похож на девушку, что всякий догадался бы – они не просто из одного рода, у них общий отец и общая мать. Потянув сестру за рукав, парень заставил ее отойти от Огнеяра и усадил на лавку. Утреч привычно сделал Огнеяру вопросительный знак бровями – не увести ли как-нибудь строгого братца? Но Огнеяр не ответил.

– Э, да ты гусли принес! – воскликнул он, заметив гусли в руках у второго парня. – Давай сюда!

Взяв гусли, княжич бережно развернул кусок медвежьей шкуры и повернул их к огню, разглядывая резьбу, украшавшую верхнюю крышку. В гуслих он разбирался не хуже, чем в оружии, и мог на глаз определить, сколько им лет, в каком племени и даже в каком из Велесовых святилищ они сделаны.

Огнеяр не знал, какой жаркий спор разгорелся у Моховиков из-за его просьбы. Гусли эти хранились в роду уже шесть поколений и считались священным оберегом Моховиков. Давать такую вещь в руки чужаку, да еще, по слухам, и оборотню, было опасно. Но ведь он княжеского рода – к чему прикоснется, то счастливым сделает! А что оборотень – ведь самого Велеса сын, а песенный дар людскому роду дал Велес. Короче, Огнеяру принесли гусли, и почти все родовичи, кроме жениха с невестой, постепенно собрались в беседе послушать, как он на них сыграет.

Огнеяр устроился поудобнее, позвенел струнами на пробу, недолго призадумался, оглядел слушателей.

– Коли у вас сговор, я вам сговорную песню спою! – объявил он. – Может, и на свадьбу тогда позовете!

Моховики переглянулись, а Взимок беспокойно заерзал на месте. После второго намека не позвать княжича будет невежливо, а ведь боязно! Кто их знает, оборотней? Да и кмети его тоже, по всему видно, не промахи – нарожают девки после выводов волчат!

А Огнеяр глянул на девушку из Вешничей, глаза его блеснули в свете огня, и он запел:

Козушка белоногая по горушке ходила,
Дразнила-подразнивала она серого волка:
«Волчушко серенький, я тебя не боюсь,
Я тебя не боюсь, за тыном схоронюсь!»
Не разгадала да и козушка, что поутру будет:
Тын как был стоит, а козушки нет!

Родня лисогорского жениха с удовольствием усмехалась, слушая, как сам княжич прославляет успех сватовства их парня. Моховики опять переглянулись: песня волка заставила их встревожиться о своих козочках. А Огнеяр уже запел новую песню:

Ах, нынешняя зима непогожлива была,
Непогожлива была, все метелица мела,
Завеяла-занесла, все дорожки замела!
Ах, нету мне пути, как мне к ладушке пройти?
Я по лесу поскачу серым волком,
Через речку полечу ясным соколом,

Через тын перескочу горностаюшкой,
А на двор войду добрым молодцем!

Забыв обо всем, хозяева слушали его, женщины не сводили с княжича глаз, теперь он им всем казался красавцем. Глубокий, низкий и при этом легкий голос лился, как широкая могучая река, завораживал, проникал прямо в сердце, минуя слух. Каждый из слушателей в себе самом ощущал любовь и стремление к любимому существу, неизмеримые силы, чтобы идти к нему. Эта любовь заполняла весь мир и наполняла жизненными соками, но где-то в глубине ее слышалась тоска по несбыточной мечте – ведь Велесу, зимнему жениху прекрасной Лели-Весны*, любовной тоски достаётся гораздо больше, чем краткой и обманчивой радости. Так мог петь только сын самого Велеса.

И больше всех им была очарована молоденькая девушка из рода Вешничей. Он смотрел на нее, пока пел, и она не отводила глаз, всем существом впитывая любовь, которую он обещал ей своей песней. Слушая песню, слова которой ей и раньше были знакомы, она вдруг саму себя ощутила богиней Лелей, к которой вечно стремится сумрачный Подземный Хозяин, и вода весенних ручьев потекла в ее жилах, весеннее солнце засверкало в очах. Прежде весь ее мир был ограничен своим займищем да несколькими соседними, родовыми угодьями, полями, ближним лесом и рекой, но он, чуроборский княжич и оборотень, вдруг раскрыл перед ней огромный мир, неоглядный по ширине и глубине. Сами очертания привычного мира дрожали, становились прозрачными. И сквозь них проглядывало совсем иное бытие – медленно дышащее, лишенное времени, лишенное четких границ и ограничений, но живое! Туда могут заглянуть только самые мудрые ведуньи и чародеи, но сейчас и она, простая девушка из рода Вешничей, видела эти миры, и не в воде гадательной чаши, а в глазах чуроборского оборотня, которого она по рассказам представляла каким-то чудовищем и который на деле оказался так прекрасен, что захватывало дух от одного его присутствия. Хотелось без конца смотреть ему в лицо, по которому перебегают тени от огня, слушать его волшебный голос. Он все это может – и серым волком, и ясным соколом, и добрым молодцем...

А что-то в глубине сознания настойчиво предостерегало: берегись, он – волк, никто не знает, что у него на уме и чего от него ждать. Он сам был как огонь – и согреет, и обожжет. Ведь недаром первый же поцелуй Велеса погружает Лелю в сон, схожий со смертью, – и не Велесу дано пробудить богиню-весну к новой жизни, а другому, совсем другому...

Огнеяр замолчал, звякнули в последний раз бронзовые струны и стихли, будто жалуясь, что никакая красота не может жить вечно. И в наступившей тишине ясно прозвучал где-то вдали волчий вой. Все вздрогнули, а Огнеяр сдвинул гусли с колен и мигом оказался на ногах, вскинул голову, прислушиваясь. Люди молчали, не мешая ему, тоже слушали, хотя не могли услышать то же, что и он. Далекий волчий вой разливался под небом, и в нем было что-то от ворожбы только что отзвучавших песен.

– Это он, – хрипло сказал Огнеяр, словно боролся с желанием на вой ответить воем, и всех пробрала дрожь от его изменившегося голоса. Только что он был богом, а теперь в нем поднял голову зверь, и всем стало так жутко, будто перед очагом вдруг оказался настоящий косматый волк. – Это Белый Князь Волков. Он говорит, что этой зимой его охота – здесь.

– Как так – здесь? – Взмок первым опомнился и тревожно завертелся на месте. – Куда нам еще? У нас и так волков развелось – страсть! И так боимся – не то к войне, не то к морю поальному.

– Княжич наш ясный! – подала голос одна из женщин. – Ты бы оборонил нас от них!

Опомнившись, все наперебой стали просить Огнеяра защитить их от Князя Волков. Поверив в дружелюбие оборотня, все в нем увидели лучшую защиту.

Огнеяр молча выслушал просьбы, а потом резко затряс головой, так что пряди черных волос закрыли ему лицо.

– Поговорить – поговорю, – сказал он наконец. – А не захочет Князь Волков уйти – в драку не полезу. Я ему не указ.

Никто не ответил ему, уговоры прекратились. Кмети знали, что при всей своей любви к охоте Огнеяр не убил ни одного волка. А Моховики поняли: волк для Огнеяра зверь заповедный. Все равно что брат.

Вскоре Моховики разошлись, тот парень из Вешничей увел сестру, не дав ей даже оглянуться на Огнеяра. Гости улеглись спать. Огнеяр устроился возле самого очага, но долго не мог уснуть, ворочался, то и дело поднимался и подкидывал дров в огонь. Вдали разливался волчий вой, и он ясно различал голос Князя Волков. Огнеяру не приходилось встречать старого Князя, хромого на переднюю правую лапу, но он не раз видел его следы и хорошо помнил его запах. Протяжным воем старый Князь оповещал всех, имеющих уши, что этой зимой он со своей стаей охотится над Белезенью и горе тому, кто явится сюда без его позволения. Его предупреждения и угрозы не касались Огнеяра, рожденного человеком и живущего в человеческом облике, но внутри него медленно и неуклонно поднималось раздражение. Протяжный вой холодным сквозняком втягивался в уши, и Огнеяр сжимал зубы от подступающей злобы, вызов сам собой зарождался в его груди, рвался в горло. Хотелось выйти во двор, поднять голову к небу и ответить, сказать Хромому Князю, что он, Огнеяр Серебряный Волк, будет со своей Стаей охотиться там, где захочет, и угрозы старого хромого пса его не пугают.

Наверное, Князь тоже когда-то встречал его следы.

Промучившись какое-то время, Огнеяр встал и вышел из избы во двор. Накидку и плащ, которым укрывался, он оставил на полу, но холод его не пугал – внутри него самого жарко горел огонь, давший ему жизнь. Во дворе было темно и тихо, нигде не слышалось голосов, все окошки были задвинуты заслонками.

Займище спало, и в одной из этих тихих изб была и она – девушка из рода Вешничей. Спит она или слушает этот вой в лесу? При мысли о ней Огнеяру вдруг расхотелось выть – она испугается, пожалуй. Подумает, что он такой же зверь, как и старый хромоу Князь Волков. А Огнеяру не хотелось, чтобы она так думала. Теплый человеческий мир ее серых глаз неожиданно приласкал его, и ему было жаль рушить это драгоценное ощущение.

Огнеяр сел на ступеньку крыльца, посмотрел в темное небо. Князь Волков все был, приветствуя наступающую зиму. Его низкий вой навевал Огнеяру неприятные, тревожные мысли – чем еще зимние ловы Князя Волков и его стаи обернутся для окрестных родов? Все-таки по своей человеческой половине он принадлежал к роду дебрических князей и благополучие племени было для него важно. Единственное, что могло бы толкнуть его на охотничью тропу Хромого Князя, – это угроза людям. Люди были его, Огнеяра, Стаей, и он никому не позволял ее обижать.

«Нет, хромоу старик, сюда ты не сунешься, – думал Огнеяр, чутко прислушиваясь к далекому вою. – К жилью я тебя не пущу, не надейся». Правда, за Вешничей можно и не беспокоиться – у них в ельниках живет сам Князь Кабанов, а к его стаду не подступится даже Хромоу.

Старый волк все был, но Огнеяр встал со ступеньки и повернулся к двери. Пусть она не считает его зверем. Да и нечего злиться – молод еще на старого Князя зубы скалить. Князь Волков живет семь веков – а Огнеяр только первый век начал.

Удар обрушился, когда он шагнул через порог. Глядя под ноги, Огнеяр не успел ничего заметить и ощутил только, как холодный клинок скользнул по его груди против сердца и сорвался вбок, только прорвал рубаху. Зверь внутри него каждый миг готов был к защите, а далекий вой старого Князя обострил эту готовность. Для человека в сених было темно, но волчьи глаза Огнеяра ясно различали черную человеческую фигуру возле самого порога, беспомощную в первый миг после нанесенного удара. Этого мига Огнеяру было достаточно – извернувшись, он оказался за спиной у нападавшего и сильным ударом в голову отбросил его к стене.

Черная фигура влетела в ряд бочонков и упала, что-то загрохотало и обрушилось. Огнеяр стоял, готовый встретить новый выпад, но его противник только дернулся и бессознательно застонал.

В истобке мгновенно послышалось движение, дверь резко скрипнула, в сени выскочили растрепанный Тополь, Утреч, Кречет, за ними лез кто-то еще, ругаясь, что его не пускают. Тополь первым увидел Огнеяра, и на его лице отразилось облегчение.

– Чего ты? – в досаде за напрасную тревогу воскликнул кметь. – Я слышу – грохочет в сенях, глядь – тебя нет. Чего ты тут буянишь?

Утреч огляделся с хитроватым видом – искал девушку. Но увидел лежащего у стены, и лицо его мигом переменялось. Огнеяр сам подошел к противнику, присел рядом и перевернул того лицом вверх. Тополь открыл дверь пошире, чтобы пропустить свет очага.

– Да отойдите вы, лешачьи дети! – крикнул он на кметей, которые, возбужденно и тревожно гудя, пытались через узкую дверь прорваться в темные сени и посмотреть, что случилось. – Дайте огня!

Из истобки ему в руки передали горящую смолистую ветку. Тополь склонил ее к лежащему. И все увидели парня с длинными волосами, в рубахе со знаками огня, как на них на всех, и лицо с безжизненно опущенными веками было всем хорошо знакомо. В первый миг все онемели от изумления.

– Трещага! – воскликнул Утреч, опомнившийся первым, и поднял глаза на Огнеяра. – Да ты что? Что вы с ним не поделили? Ты его за кикимору*, что ли, принял?

Огнеяр не ответил. Он сидел на корточках над Трещагой, закусив нижнюю губу, лицо его стало угрюмым и замкнутым.

– Э, глянь! – Кречет заметил возле порога блеск клинка, перегнулся через лежащего и поднял длинный охотничий нож с костяной рукояткой. Нож был Трещаги, и это тоже все знали.

– Он что – на тебя? – с недоумением спросил Утреч. Не в силах так сразу взять все в толк, он переводил растерянный взгляд с ножа в руке Кречета на лежащего Трещагу.

Огнеяр даже не кивнул в ответ, но и так было ясно, что Утреч не ошибся.

– Давай тащи! – хмуро сказал Тополь, уже все понявший. Сунув кому-то в руки догорающую ветку, он взял Трещагу за плечи. – Не до утра же тут сидеть...

Трещагу перетащили в истобку и уложили на полу, огонь в очаге разожгли поярче. В беседе не смолкал гул возмущенных и удивленных голосов: Стая не могла взять в толк, как это один из них оказался таким подлецом и замыслил убить вожака. И как убить – исподтишка, безоружного.

– За сестру, что ли? – неуверенно предположил Ярец.

– За сестру! – презрительно воскликнул Кречет. – А он тут при чем? Девка – дура, а он опять виноват?

Как положено стае, Стая Огнеяра крепко стояла за своего вожака. Те, кто ему не верил, здесь не держались. А историю с сестрой Трещаги все хорошо помнили. Прошлой зимой однажды вечером она столкнулась с Огнеяром в темных сенях и выскочила оттуда как ошпаренная, стала кататься по полу в клетушке*, биться об пол и кричать в беспамятстве: «Волчий глаз, волчий глаз!» Сам Огнеяр был в том же недоумении, что и все, а девка ударила головой об угол ларя и затихла. После этого она повредила рассудком и целыми днями теперь сидела, тупо стуча пестом о дно ступы – с другой работой она не справлялась, – неумытая и нечесаная, а если кто-то из женщин подходил к ней с гребнем, она визжала, кусалась и замахивалась пестом. С приходом темноты, особенно осенью и зимой, она начинала беспокоиться, твердила про волчий глаз и не выходила из дома. И общая молва винила в ее помрачении Огнеяра. Мало ли чего он хотел с ней сделать в темных сенях? Кто их знает, оборотней?

– Да как же? – Другим кметям это тоже не показалось убедительным. – Два года с нами, и ничего. А то вдруг – и с ножом! Может, он тоже, того? – Кто-то со значением крутил пальцем возле лба.

– Что – сестра? – Кречет был больше всех возмущен предательством Трещаги. – Если думаешь, что виноват, – зови в поле на честный бой! А так – шею ему свернуть не жалко!

– Шею – не шею... – бормотал Недан, внук чуроборского ведуна, сам понимающий в лечении. Он уже успел бегло осмотреть Трещагу и сидел возле него на корточках, задумчиво пощипывая маленькую светлую бородку. – А вот головой он здорово приложился. До утра нипочем не опомнится. А там, слышь, тоже про волчий глаз песню заведет.

Недан невесело усмехнулся, заправляя за ухо длинную прядь.

– Собаке – собачья смерть, – проворчал Кречет.

– Да как же ты отбился? – Тополь заметил прорванную рубаху Огнеяра и тревожно сдвинул брови. – Недан, ты бы лучше жоака посмотрел. Ты сам-то цел, Дивий?

– Цел, – коротко ответил Огнеяр, впервые после происшествия подав голос. От него ждали продолжения, и он усмехнулся. – Бобер глупый! Железо в огне куется, и меня батюшка Велес огнем отковал. Всякий нож – мне брат родной, и этот тоже бить не захотел, боком сорвался.

Огнеяр насмешливо прищурился. Его вдруг наполнило возбуждение, радостное удивление от сделанного открытия. Все сказанное пришло ему в голову только сейчас – раньше он только подозревал, что неуязвим для железа, но не был уверен и то, что до сих пор ему удавалось избегать ран, относил на счет собственной ловкости и удачливости. Но сейчас все это не годилось. Удар Трещаги, сильный и хорошо рассчитанный, должен был убить его. Клинок шел прямо в сердце, но сорвался, хотя на Огнеяре была одна рубаха. Выходит, нож сам не захотел его бить!

– Ладно. – Огнеяр прошел к очагу, где на охапке соломы лежала его волчья накидка. – Погудели – и будет, не пчелы. Спать давайте.

Кмети стали опять укладываться. Лица их помрачнели, каждому было досадно и даже стыдно, как будто все они несли какую-то часть вины за предательство одного из них. Тополь велел по очереди присматривать за Трещагой, а сам всю ночь дремал одним глазом, охраняя княжича.

Но Огнеяр остаток ночи спал по-волчьи – задремлет на чуть-чуть, потом проснется, оглядится и опять дремлет. Неприятное чувство от предательства Трещаги почти задавило в нем всю радость от сделанного открытия. Трещага не принадлежал к ближайшим друзьям Огнеяра, как Тополь или Кречет, но всю Стаю Огнеяр ощущал как продолжение себя самого, и обнаружить в ней предательство было для него то же самое, что найти на теле зловерный нарыв. Если человек, много лет дравшийся рядом с тобой и деливший с тобой хлеб, вдруг оказывается предателем – это больше его смерти.

– Да спи ты! – не выдержав, шепотом прикрикнул на него Тополь.

– Больше среди нас таких нет! – проворчал Утреч, не открывая глаз.

Утром Огнеяр вышел из избы еще в сумерках. Моховики уже проснулись: из маленьких окошек тянулись серые струйки дыма, ворота были раскрыты, женщины и девушки шли через двор с ведрами на коромыслах. Огнеяр подошел к бочке возле крыльца, пробил тоненькую корочку льда, зачерпнул пригоршней воды и поднес к лицу.

– Давай я тебе полью! – вдруг услышал он рядом с собой нежный девичий голос.

Отняв ладони от лица, Огнеяр увидел вчерашнюю девушку из Вешничей, одетую в серый заячий полушубочек, покрытый простым серым сукном. Огнеяр смотрел на нее через мокрые волосы, упавшие на глаза, и молчал. И она молчала, не понимая, чему он так удивился.

– Как ты тихо подошла! – наконец сказал Огнеяр. – Я и не слышал!

– А ты всегда слышишь? – Теперь уже девушка удивилась, но тут же охнула про себя – вспомнила, кто он такой. Еще бы ему не слышать!

– Давай! – Огнейр вспомнил, с чем она подошла. – Полей.

Девушка взяла деревянный ковшик, висевший на краю бочки, зачерпнула воды, стала выбирать из ковшика мелкие обломки льда. Пальцы ее порозовели от холода, кончик носа тоже, щеки разрумянились. Огнейр взялся было за ворот рубахи, хотел снять, но вовремя передумал. Вот он нагнется, и она увидит полосу серой шерсти, бегущую вдоль его хребта от основания затылка до самого пояса. Ему уже слышался ее изумленный и испуганный крик, виделось, как она отскочит, выронит ковшик, бросится бежать без памяти... Нет, он не хотел ее пугать. События прошедшей ночи обострили его воспоминания о помрачении сестры Трещаги, перед глазами стояло лицо несчастной, искаженное диким бессмысленным ужасом. Нигде и никогда он не хотел бы увидеть подобное еще раз.

– Как тебя звать? – спросил Огнейр, умывшись и утираясь рукавом.

Губы девушки сложились для ответа, но внезапно она сама себя остановила и сказала совсем другое.

– Незваной, – ответила она, как всегда отвечают тому, кому настоящего имени знать не надо. Все-таки она его боится.

А в общем, и правильно, умная девушка. Миновали те времена, когда род жил сам по себе, не зная никого из чужих, а все, кто не свой, тем самым считались не людьми, а лесной нечистью. Все давно изменилось, жен теперь берут только из других родов, ездят торговать, принимают у себя торговых гостей или княжских людей во время полюдь*, но по древней привычке в каждом госте жители лесных займищ видят нечто опасное и даже потустороннее. А он, Огнейр, эти опасения полностью оправдывает.

– Боишься меня? – прямо спросил он.

– Не... не знаю, – ответила девушка, отводя глаза. Она не хотела его обидеть, но не умела лгать. – Брат не велел...

– Что не велел?

– Говорить с тобой.

– А что же говоришь?

– Тоже не знаю.

Девушка подняла на него глаза и улыбнулась, как-то беспомощно и недоуменно, словно сама себе удивлялась. Огнейр улыбнулся ей в ответ. Все-таки она совсем не такая, как бедная Толкуша, – она добра, а добрые меньше пугаются и гораздо реже сходят с ума. Он не подумал о том, что в улыбке заметны два его верхних клыка, которые выдавались из ровного ряда белых зубов.

Девушка увидела это, в сердце ее толкнул холодной рукой страх. То нечеловеческое, что она вчера видела в его лице при отблесках огня, при свете дня выглядело по-другому, но не ушло.

Огнейр увидел в ее глазах проблеск тревоги и понял, отчего это. Он перестал улыбаться, спрятал клыки. Так же ему хотелось в этот миг спрятать в себе зверя, загнать его поглубже, запереть на замок, чтобы он не рычал и не скалил зубов, не выглядывал из глаз, чтобы остался только человек, тот парень, которого любит мать и могла бы полюбить эта девушка, похожая на хрустальное утро ранней осени. Раньше его забавляли испуганные взгляды людей, но сейчас ему впервые в жизни захотелось быть как все. Но нельзя выгнать вон часть самого себя. Под рубахой все равно останется серая волчья шерсть.

– Сестра! – закричал от крыльца соседней избы тот парень-Вешнич. – Иди сюда!

Девушка повернулась и бегом бросилась на зов. Огнейр смотрел ей вслед, и зверь толкал его за ней, за этой козочкой, за серым зайчонком, которого так легко догнать. Но сейчас

Огнеяру особенно хотелось быть человеком и только человеком. Приглаживая ладонью мокрые волосы, он пошел назад в беседу.

Кмети уже проснулись, заново раздули огонь, жевали остатки вчерашнего оленя и пирогов, в большой корчаге* в очаге грелся отвар брусничных листьев. Трещага все так же лежал без памяти и был бледен, дышал часто. Видно, удар о бочонки оказался слишком силен.

– Спотыкнулся парень в сениях, – объяснял Недан Моховикам. – Голову зашиб, пусть отлежится. Мы за ним после пришьем из Чуробора и вас за труды отблагодарим. Да смотрите за ним получше. Если рано поднимется и идти захочет – нипочем одного не пускайте, а ждите, пока от нас люди приедут.

Услышав это объяснение, Огнеяр одобрительно кивнул. Моховикам незачем знать, что один из его кметей хотел его убить. И отпускать его с глаз тоже совсем ни к чему.

Но это досадное происшествие вовсе не было поводом прерывать охоту. За утро Кречет и Тополь расспросили мужиков и узнали, что в ельниках и дубравах вокруг займища Вешничей гуляет множество кабанов. Эти земли, как Огнеяр и сам знал, были под покровительством Князя Кабанов, и его дети расплодились безмерно. Туда и решили ехать дальше.

Выводя коня, Огнеяр невольно шарил взглядом по крылечкам и по двору. Девушка и ее брат стояли возле соседней избы. Парень держал за руку светловолосую девушку-Моховушку, с которой вчера приходил в беседу, и что-то тихо говорил ей. Она слушала, опустив глаза, на лице ее был румянец смущения и радости.

– Вот вам и попутчики, княжич, – сказал Взимок. Старейшина был очень доволен, что опасный гость покидает род. – Брезь вам самые кабаны места покажет. Вешничи и рады будут – у них кабаны поля портят, а самим им не поохотиться – Князь Кабанов осерчает. Даже к нам, бывало, захаживают, репище* попортили, да что поделать – против Сильного Зверя не пойдешь.

– Потому к вам Князь Волков и явился, что кабанов много, – отозвался Огнеяр. – Молились, чтобы кабанов побольше было. А то не хватит их Князевой стае на зиму – за скотину примется.

– Сохрани нас Велес!

Огнеяр подвел своего Похвиста к крыльцу, где стояла девушка, и позвал ее:

– Садись, козочка, довезу, коли нам по дороге.

Девушка попятилась, тревожно затеребила конец красной ленты в косе, оглянулась на брата. Ей и хотелось бы поехать с Огнеяром, он волновал ее и непонятно притягивал, но смутный страх не пускал. Сесть на его коня легко – да как знать, где потом слезешь? В голову лезли старые бабкины сказки о девицах, похищенных то вихрем, то орлом, то волком, который потом в лесу ударяется оземь и оказывается добрым молодцем... Все это было очень любопытно слушать, сидя в кругу сестер и братьев у родового очага, но примерить это на себя на самом деле...

Она вглядывалась в его лицо, словно пыталась в последний миг решить, верить ему или не верить. Огнеяр молчал, не уговаривал, и глаза его были в этот миг совсем человеческие. Важнее всего ему сейчас казалось, пойдет она к нему или не пойдет. Признает она его человеком или не признает?

Внезапно решившись, девушка шагнула с крыльца и протянула ему руки.

– Милава! – предостерегающе крикнул брат.

Огнеяр схватил ее за руки и радостно рассмеялся. Вот оно, ее имя! Брат больше ее самой о ней тревожился и сам же выдал.

Поняв оплошность, Брезь досадливо покраснел, но было поздно. Милава смущенно улыбалась, но не отнимала рук у Огнеяра. Утреч подошел к Брезю сзади, шутливо толкнул в плечо и сунул в руки повод Трещагиного коня:

– Садись, человеке добрый. Показывай дорогу. Не съедим мы вас, не бойся, пирогами наелись.

Моховики вокруг пересмеивались. Огнецяр подхватил Милаву на руки и посадил перед седлом. Она была такая легкая, не тяжелее зайчонка.

– А ну как укушу? – задорно спросил он, глядя на нее снизу вверх и не убирая рук.

– А ты же вчера обещал не кусаться, – с детским простодушием ответила она, но в глазах ее светилось девичье лукавство.

Мальчишки открыли ворота пошире, Огнецяр, по обыкновению, поехал первым, Стая потянулась за ним, провожаемая поклонами и прощальными напутствиями хозяев. Взимонок даже пригласил заглядывать еще, если случится ехать мимо, – и тут же сам себе удивился и понадеялся, что княжич не расслышал. Но напрасно – слух у Огнецяра тоже был по-звериному чуткий.

Разворачивая коня вслед за жожаком, Тополь обернулся и быстро отыскал среди девушек Березку.

– Жди – в Макошину неделю приеду за тобой! – крикнул он. Березка насмешливо фыркнула в кулак. Но, смеясь, она знала, что и правда будет ждать. Красивый и разговорчивый кметь так понравился ей, словно самой Макошью* был для нее назначен.

Брезь ехал впереди, показывая дорогу, но то и дело в беспокойстве оглядывался на сестру. Ему очень не нравилось то, что Милава поехала с княжичем-оборотнем, но поднимать шум, запрещать – и княжич обидится, да и люди смеяться будут. Сама Милава почти не поворачивалась к Огнецяру, смотрела на дорогу, а он нарочно заводил с ней разговор, вынуждая обернуться.

– Отчего же у вас так кабаны расплодились? – спрашивал он. – И сам Князь их поблизости живет?

– И Князь поблизости, – подтвердила девушка. – Он нашему роду помогает.

– Хорошо помогает – я слышал, все поля попортил! – усмехнулся Огнецяр. Девушка метнула на него обиженный взгляд: чего он явился бранить Сильного Зверя, покровителя здешних мест? – А вы ведь ему еще и жертвы приносите?

– Приносим. Репу, капусту, горох, всякий овощ.

– А головы человечесь?

– Да что ты! – Милава оглянулась на Огнецяра почти с ужасом. – И не слышали даже о таком. У него же Хозяйка есть – ведунья наша, Елова.

– А что – не жертва? Она к нему в ельник когда ушла?

– Давно, я и не помню. Меня еще и на свете не было.

– Видно, молодая была, как ты, да?

– Да, наверное. Но это очень давно было. Она теперь совсем старая, седая вся.

Огнецяр помолчал. Он знал, что седая ведунья, живущая под покровительством Лесного Князя, не обязательно очень стара годами.

– А был бы я Лесной Князь – хотела бы ты моей Хозяйкой быть? – не удержавшись, спросил он, наклонившись сзади к самому ее уху.

– Да что ты! – почти с негодованьем воскликнула Милава. Такой разговор казался ей и бессмысленным, и опасным – у Леса тысяча ушей и тысяча глаз, его не следует раздражать пустой болтовней о важных вещах. – Лесные Князья – звери, – все же пробормотала она, смущенная необходимостью говорить княжичу то, что знают и малые дети.

– А я кто же, по-твоему? – задорно спросил Огнецяр.

Милава обернулась, взглянула в его весело блестящие темные глаза и поспешно отвернулась, будто обожглась. Она не знала, что ответить, в ее сознании образ Огнецяра был нечетким, колебался, как отражение в подвижной воде. Или как пламя.

– Ты не годишься, – коротко ответила она, и Огнецяр чувствовал, что она дрожит.

«Не годишься!» Огнецяр усмехнулся, но ничего не ответил. По правде говоря, он и сам почти не задумывался о том, на что годится. И сам с трудом мог бы определить, кто он такой.

В нем жили два – или больше – разных существа, и мир его был неоднозначным. За тонкой пленкой внешнего бытия он видел его изнанку – все равно что видеть сразу и берег реки, и ее дно за толщей бегущей воды. Только где оно, это дно мира?

На левом запястье Милавы Огнеяр заметил полоску чеканного браслета из дешевого серебра, какие сотнями делают сереброкузнецы Чуробора и продают на торгу прямо из ларя. Плохое серебро быстро темнеет, но браслет Милавы был еще светлым, видно, его изготовили совсем недавно. Не раньше жатвенных торгов этой осени. Браслет этот означал, что девушка выдержала испытания по домашним и полевым женским работам, вступила в круг взрослых невест и теперь вольна выбирать себе жениха. Огнеяру было приятно увидеть у нее невестино обручье – знак воли и никому еще не отданной любви. Он взял руку Милавы и приподнял, словно хотел разглядеть браслет получше, но девушка боязливо отняла руку. Огнеяр усмехнулся.

– Отчего же не хочешь показать? – спросил он, обращаясь к затылку отвернувшейся Милавы. – Может, я его у тебя в подарок попрошу?

– Глупостей-то не болтай! – сурово, даже с легкой обидой ответила Милава. Уж не за дурочку ли он ее считает? – Ты – княжич, тебе надо на княжне жениться.

– На княжне? – Огнеяр насмешливо свистнул. – Да я в жизни ни одной княжны не видал, не знаю, какие они и бывают-то.

– Ну, на боярской дочери, – не сдавалась Милава. – Или на воеводской.

– А воеводские дочери меня боятся. Говорят, не человек я.

Милава обернулась и посмотрела наконец ему в лицо. Огнеяр старался сохранить веселый вид, но это оказалось нелегко. В самое сердце его вдруг уколола тревога – а вдруг она сейчас скажет, что тоже боится его за это?

А Милава смотрела ему в глаза, как будто старалась заглянуть поглубже и понять, правда ли это все. Взгляд Огнеяра показался ей напряженным, он не вязался с веселым голосом, и в глазах его была тревога. Милаве вдруг стало жалко его – кто он ни есть на самом деле, а живется ему, как видно, нелегко.

Милава опустила глаза, ничего не решив, а потом сама поднесла руку к руке Огнеяра, державшую поводья, и прикоснулась к ней своим браслетом. Огнеяр усмехнулся – он понял ее. Его собственные серебряные браслеты, бляшки пояса, оклады оружия всю жизнь помогали ему убедить окружающих, что он не принадлежит к нечисти, боящейся серебра. Он – оборотень, но не зверь в человеческом теле, а бог!

– А мои-то – или не видишь? – Он улыбнулся и встряхнул рукой, показывая тяжелый, старинной работы – из ларей деда Гордеслава – браслет у себя на запястье.

– Вижу, – ответила Милава, немного смущенная своей проверкой. – Твои-то – я не знаю какие, а мой – настоящий, из чистого серебра.

– Так не будешь меня бояться? – тихо и весело спросил Огнеяр, чувствуя, что еще немного – и последний лед между ними будет сломан.

– Не буду.

Милава подняла глаза к его лицу и наконец-то улыбнулась. Она окончательно решила не бояться его, и видно было, что это решение доставило ей самой большое удовольствие. Огнеяру хотелось смеяться от радости, вместо багрового Подземного Пламени в нем вдруг вспыхнула яркая невесомая радуга. Милава отчаянно нравилась ему, и небывалым неожиданным счастьем казалось то, что он тоже нравится ей и она его не боится. Она согласилась посчитать его человеком, поверила ему! Среди зябнущей осени она была ярким, свежим весенним цветком, и в самое сердце Огнеяра вдруг повеяло весной.

Но путь оказался недолгим, Брезь впереди уже придержал коня и ждал на перекрестье набитых троп, пока подтянутся все чуроборцы. Одна тропа отсюда вела прямо к займищу Вешничей, а вторая вводила к берегу Белезени, к охотничьим угожьям.

– Вам туда, княжич! – завидев подъезжающего Огнеяра, Брезь махнул рукой к реке. – Спасибо за коня, нам теперь в другую сторону.

Огнеяр соскочил на землю и снял Милаву с коня, не дожидаясь, пока подойдет ее брат. На прощание она как будто искала его взгляда, как будто хотела еще что-то спросить, сказать, но, ступив на землю, молча отвернулась и пошла навстречу Брезю.

– Спасибо и вам, что путь указали, – безучастно ответил парню Огнеяр, с трудом оторвав взгляд от Милавы. Ему вдруг стало скучно, предстоящий лов утратил привлекательность, но, не желая этого показывать, он отвернулся и вскочил в седло.

Попрощавшись, брат и сестра пошли прочь по неширокой тропинке, а отряд из трех десятков всадников стоял неподвижно. Огнеяр смотрел вслед удаляющейся девушке, так похожей на маленького зайчонка в своем сером полушубочке, и совсем не думал о кабанах. Чего ему еще искать, кого ловить? Ему вдруг показалось, что на всем свете нет дорожке и желаннее добычи, чем эта невысокая сероглазая девушка с тяжелой светло-русой косой; она уходила, а ему вдруг стало неуютно, словно с ней уходило от него что-то очень хорошее, незаменимое. Что-то хорошее в нем самом, разбуженное ее приветливым взглядом, чего и сам он еще не понимал.

Тряхнув волосами, Огнеяр развернул коня и поскакал в обход ельника, высматривая следы. Хватит Ладе* над ним потешаться, он не за тем ехал. В стылом воздухе Огнеяр чувал запах кабанов, наевшихся за ночь и устроившихся на дневную лежку где-то неподалеку. Стая растянулась вслед за ним, а Тополь догнал Огнеяра.

– А зря мы Трещагу там бросили, – сказал он на скаку. – Надо бы сразу порасспросить. Не верю я, чтобы он за сестру больше года зло таил и молчал. С тех пор двадцать раз мог бы попытаться.

– И двадцать раз шею о кулак свернуть! – бросил Кречет, расслышав его слова.

Огнеяр не ответил, но слова Тополя напомнили ему о том, о чем он не забыл бы и сам, если бы не девушка. Видит Мудрый Велес, ему и без нее есть о чем тревожиться!

Заметив наконец свежие следы, Огнеяр пересчитал их взглядом – где-то в ельнике устроились на лежку две взрослые свиньи с шестью подросшими поросятами и молодой кабан. Взмахом руки он послал кметей в обход ельника, оставшиеся спешили, стали привязывать лошадей, готовить рогатины.

– А ты чего хотел? – вдруг ответил Огнеяр на последние слова Тополя, когда больше никого рядом с ними не осталось. – О чем его спросить? Что князь-батюшка на меня нож наточил? Это я и сам знаю!

В голосе его была злоба и горечь. И даже Тополь, хорошо его знавший, не понял, кто говорит сейчас в Огнеяре – человек ли, зверь ли?

Поздно ночью у ворот Чуробора раздался знакомый вой трех десятков голосов. Стая вернулась с охоты. Она не стала бы так выть, если бы потеряла вожака. Но она его не потеряла. Издалека, через весь посад и детинец, сквозь плотно задвинутые заслонки окон, сквозь толстые бревенчатые стены терема*, князь Неизмир различал в хоре Стаи голос Огнеяра. В последние года мало выезжая из Чуробора, Неизмир научился отличать зяблика от зимородка, но голос Огнеяра узнал бы среди сотни волчьих голосов.

Княгиня Добровзора тоже его узнала – ее слух был обострен материнской любовью так же сильно, как у ее мужа – ненавистью и боязнью. Мигом приподнявшись, она поспешно выбралась из-под теплого беличьего одеяла, стала натягивать верхнюю рубаху, зовя санных девок.

– Куда ты, не ходи! – пытался остановить ее Неизмир, но больше ничем не выдал своего разочарования. – Завтра бы повидалась, никуда за ночь не денется твое сокровище...

Однако княгиня его не слушала, а вбежавшие девки уже подбирали ей волосы под повой*, подали башмаки, тащили шубу. Княгиня порывалась бежать, мешала девкам одевать

ее, стремясь скорее встретить сына. Сама не зная почему, она беспокоилась о нем все эти десять дней, и в этот раз его отлучка показалась ей особенно долгой. Не надев даже шубу в рукава, а просто запахнув ее и придерживая на груди, она с девичьей стремительностью вылетела из теплой опочивальни. Обе девки козами побежали за ней, возбужденно стрекоча. Из плохо прикрытой двери на князя потянуло холодом. Он встал и тоже стал одеваться, медленно, будто нехотя. Провожал – придется и встречать.

Княгиня уже стояла на крыльце, когда ворота двора растворились, впуская Стаю. Выбегавшая челядь светила факелами, и Добровзора сразу увидела сына, влетевшего первым, как всегда. Огнеяр тоже увидел мать и мгновенно скатился с седла.

– Мама! – с детским ликованием крикнул он и взлетел на крыльцо. Княгиня обняла его, прижала к себе его голову с холодными от ветра густыми волосами, пахнущими лесом и дымом костров.

– Волчонок мой! – нежно прошептала она, целуя его горячий лоб. – Что же ты долго в этот раз!

– Разве долго? – с радостной беспечностью отвечал Огнеяр. – Всего ничего! Сказал – к первому снегу, так даже раньше обернулся!

Не выпуская мать из объятий, Огнеяр поднял голову. Князь Неизмир стоял на забороле стены, окружавшей княжий двор, и смотрел на них. И даже издали князю почудился злобный красный блеск в глазах Огнеяра. Он вернулся. И он все знает, Неизмир был уверен в этом. Трещагу Неизмир даже не искал среди Стаи, понимая, что в случае неудачи тому не уйти живым. Провожая их в лес, князь знал, что одного из них он видит в последний раз. И пока Морена* взяла не того.

На дворе стоял гомон, неприличный позднему часу, но Дивий все переворачивал вверх дном. Челядь вела коней в конюшню, волокла к хоромам двух туров, забитых в последний день, кмети шумной гурьбой устремились в гридницу*, требуя еды и пива.

Огнеяр увел мать. Один князь Неизмир остался стоять на забороле, глядя, как челядь затворяет на ночь ворота, как постепенно стихает суета. Гридница, напротив, осветилась, до заборолы стали долетать звуки шумного пиршества. Неизмиру было холодно, но он не мог заставить себя вернуться в хоромы, глянуть в лицо пасынку. Князь не ждал гласного обвинения – едва ли Трещага успел рассказать о его участии. Но этот тяжелый, звериный взгляд с тлеющей в глубине зрачка красной искрой... Не диво, что Толкуша сошла с ума, заглянув в эти глаза.

Кутаясь в плащ, Неизмир медленным шагом спустился с заборолы и по стылым переходам направился назад в опочивальню. Идти через гридницу было необязательно, но и из сеней он ясно различал крики и хохот Огнеяровых кметей, голос самого пасынка, отвечающий на неслышные отсюда расспросы Добровзоры. Теперь они еще долго не угомонятся. И не сегодня, так завтра, но ему придется встретиться с оборотнем лицом к лицу.

Неизмир вошел в опочивальню, с облегчением закрыл дверь, хотя бы до утра отрезавшую его от пасынка. Здесь было тепло, сухие березовые дрова в маленькой глиняной печке горели почти без дыма. А возле печи сидела на краю скамьи темная человеческая фигура. От неожиданности Неизмир вздрогнул, но тут же узнал ночного гостя.

– Ты, Двоеум! – с досадой и облегчением воскликнул он. Из-за проклятого оборотня он скоро будет бояться собственной тени, а потом засядет нечесаным над ступой и будет твердить про волчий глаз! – Чего ты притащился на ночь глядя!

– Да ведь ты звал меня, я и пришел, – спокойно ответил чародей.

На вид ему было лет пятьдесят, но за те двадцать лет, что он прожил на княжьем дворе после рождения Огнеяра, Двоеум нисколько не изменился, и князь даже не задумывался, сколько тому лет на самом деле. У чародея были серые пронизательные глаза под изогнутыми

бровями, в темной бороде белели две полосы седины вокруг рта, словно усы, длинные русые волосы падали на плечи, на неизменную темную рубаху со множеством оборогов на поясе.

– Я тебя не звал, – с глухим недовольством ответил князь. Сейчас он чувствовал себя побежденным и ни с кем не хотел говорить. И неудачи, и редкие радости своей жизни он предпочитал переживать в одиночестве.

– Не звал, так хотел позвать. Садись, княже, на забороле настоялся, – невозмутимо пригласил чародей, словно сам был здесь хозяином.

Князь сел на край взбитой лежанки, все еще кутаясь в плащ. За прошедшие годы он привык к способности Двоеума угадывать мысли и желания, но порой она пугала и раздражала его. Чародей легко заглядывал в душу и видел то, что князь предпочитал скрывать ото всех. И сейчас он пришел, потому что тоже понял его поражение. Женщина на его месте обязательно сказала бы: «Я тебя предупреждала».

– Убедился? – примерно так же сказал и чародей. Он не смотрел на Неизмира, а слегка пошевеливал веточкой в огне, наблюдая за ее горящим кончиком. – Всякое железо из руды добыто, а железная руда – кровь самого Змея, Перуном пролитая. Велесовой кровью Велесова сына убить нельзя, вот его никакое оружие и не возьмет.

– Что же делать? – глухо отозвался князь и вдруг быстро заговорил: – Не могу я в одном доме жить с оборотнем проклятым! Волчонку двадцатый год кончается, было и моложе немало князей! А он внук Гордеслава, он в Чуроборе – законный князь! Была бы дочь, тогда бы еще другое дело... Светел мой... А раз он один, то... Думаешь, он не знает? Кому же он первому глотку перервет, как не мне? Что же мне теперь – дожидаться?

Двоеум молчал, давая ему выговориться и не обращая внимания на путаную невнятность речи – чародей и сам знал все, что князь хотел ему сказать. Опасения Неизмира его мало волновали. Конечно, у князя не идут из головы мысли о том, кому передать престол. Может быть, новым чуроборским князем и станет со временем Огнелар, а может, и нет. Это совсем не важно. Он рожден вовсе не для того, чтобы делить власть над одним из многочисленных говорлинских племен, живущих по берегам Истира. Он рожден совсем для другого. И все попытки истребить его, пока он не исполнил своего предназначения, заранее обречены.

Но Неизмиру этого не объяснишь. Его судьба теснейшим образом связана с судьбой Огнелара и от нее зависит – ведь если бы не рождение оборотня, сам Неизмир не стал бы мужем Добровзоры. Но об этом он и слушать не станет. Каждый склонен считать себя избранныком, на которого устремлены взгляды богов, ради которого гремят грозы и реки выходят из берегов. Так пусть Неизмир идет своей дорогой. А от судьбы не уходит никто – ни князя, ни оборотни, ни даже сами боги.

– Так что же делать с ним, если его оружие не берет? – прервал молчание Неизмир, отдышавшись после своей горячей речи. – Бронзовый, что ли, нож на него готовить? Что родилось, то когда-то умереть должно. Ты, чародей, все знаешь – сыщи погибель оборотню, я тебе ничего не пожалею. Хоть на краю света, на дубу, в зайце, в утке да в яйце железном, а должна она быть!

– Зачем так далеко искать? Я спрашивал Огонь и Воду, – неспешно заговорил Двоеум, помешивая веточкой в огне. – И поведали мне Дающие Жизнь одну тайну земную. Есть на свете только одно оружие, которым можно Волка нашего убить. Есть в землях дебричей рогатина, имя ей – Оборотнева Смерть. Откована она была в давние времена, и железо было не из болотной руды добыто, а с неба упало. Из кузни самого Сварога* выпало оно, Велес его не сотворял, потому может сия рогатина убить Велесова сына.

– Где же она? – нетерпеливо спросил Неизмир, жадно слушавший неторопливую речь чародея.

– Сказала мне Вода, что Светлая Белезень видела эту рогатину. А где – не знаю. Владеет ею один из дебрических родов. Имени его я не ведаю. Ищи, княже. Коли судьба – найдешь Оборотневу Смерть.

Князь отчасти успокоился и стал снова ложиться спать, Двоеум ушел. Измученному тревогами Неизмиру он подарил надежду, но сам не ждал от своего совета большой пользы. Чтобы убить сына бога, простых человеческих сил мало. Мудрый чародей неплохо знал все те струны вселенной, на которых играет рука судьбы. У Велеса есть в мире один настоящий противник. И у Велесова сына тоже должен быть такой. И это – совсем не князь Неизмир.

Глава 2

В день, когда выпал первый снег, парни Вешничей собрались на посиделки к Моховикам. Настоящие посиделки, с песнями, игрищами и договорами о сватовстве, начнутся только на Макошиной неделе, до которой оставалось еще дней десять, но молодежи не терпелось, и стайки парней уже ходили от одного рода до другого, чинили крыши и очаги в старых беседах, где требовалось.

Милава увязалась за братом. Девушкам Вешничей тоже не пришлось бы скучать – к себе они ждали Боровиков, – но Милава сказала матери, что идет помогать Малинке шить приданое. Малинка и правда торопилась, шитья было много, а Милава дружила с двоюродной сестрой, и ее желание никого не удивило.

– Посмотри там! – Старшая сестра, Спорина, украдкой подмигнула ей на Брезя, которому мать чесала голову, разбирая светло-русые кудри на ровный пробор. – Потом расскажешь!

Милава знала, о чем речь, и улыбнулась. Брезю девятнадцатый год пошел – давно пора жениться, и вот, дай Макошь счастья, наконец присмотрел невесту.

Но было еще одно, что тянуло Милаву к Моховикам. До сих пор ее не оставляли мысли об Огнеяре. Его лицо, его темно-карие глаза с большим, нечеловеческим зрачком стояли перед ее взором как наяву, и даже теперь, через десять дней, ее пробирала тихая горячая дрожь при одной мысли о нем. Ей хотелось снова оказаться в беседе Моховиков, где она увидела его, посидеть возле очага, где сидел он. Заслышав в лесу волчий вой, она сразу думала о нем. Сама себя она упрекала в глупости – княжич, да еще оборотень, о нем ли думать девице на первой зиме, когда стала считаться в невестах! Разве он ей жених? Больше глупости век не слыхала! Но все другие парни теперь казались Милаве скучными, и ни красавец Капельник из Черничников, по которому сохли все девки в окрестных родах, ни Свирель-Бортник* с его песнями и байками не смогли бы задержать ее дома, когда братья пошли к Моховикам. Но никому-никому Милава не признавалась в истинной причине своего стремления туда. Скажут ведь, что с ума сошла девка. И будут правы!

Семеро парней и Милава шли через лес, холодный и неприятный в это время, покинутый листвой, но не прикрытый снегом – вроде необряженного покойника, хотя и стыд так думать о защитнике и кормильце. Намокшие палые листья, побуревшие за время дождей, тяжело цеплялись за ноги, меж стволов было видно далеко, а в глубине леса прятались черные тени. И лучше туда не смотреть – нечисть выползет на живой взгляд.

В поле было еще хуже – голая земля, открытая всем семидесяти ветрам, нагоняла чувство тоски и бесприютности. Милава мерзла, куталась в плащ и не могла дожидаться, когда же впереди покажется дубрава, укрывающая тын Моховиков. Осенние ранние сумерки быстро сгущались, небо было глухо затянуто тучами, стал накрапывать дождик. Парни нахлобучили шапки на глаза и прибавили шаг.

– Поспеваешь? – Брезь взял Милаву за руку и сжал в теплой ладони. – Э, рука холодная какая! Смотри, замуж никто не возьмет!²

– Пока придет пора – отогреюсь! – отшутилась Милава. Этой зимой она не ждала сватов: пока еще женихи к ней присмотрятся на посиделках, пока ведуны посчитают, с кем она не в родстве на семь колен³, – и два года просидеть можно!

² Намек на некоторые народные обряды выбора невесты, где преимущество имела девушка, у которой руки без варежек на холоде остаются теплыми.

³ По древнерусским нормам брак разрешался в том случае, если родство было в семь поколений и дальше. Считали цепочку до общего предка, то есть троюродные брат и сестра пожениться еще не могли, а четверюродным уже брак разрешался.

Несмотря на холод и дождь, Брезь был весел. Дорога к Моховикам уже пять месяцев казалась ему радужным мостом к счастью – там жила Горлинка. С тех пор как он заметил ее в хороводах Ярилины дня*, других девушек для него просто не было, зато она одна собрала в себе красоту, доброту и прилежание всех. Ее мягкие косы и голубые глаза были для него милее всего на свете. Только ее он желал увидеть матерью своих детей и ждал только Макошиной недели, чтобы спросить, желает ли того же и она. И в сердце Брезь знал – желает. С того самого хоровода Горлинка отвечала улыбкой на его взгляд, была приветлива при встречах, и он верил, что и сейчас она ждет его. Только одно его смущало – не оказаться бы им родней. Моховики и Вешнички были в давней дружбе и часто роднились, а всю родню в семи поколениях в голове не удержать, это только ведуны и могут. Только бы не это – и тогда его свадьба будет первой этой зимой в роду Вешничей.

Дождь пошел сильнее. Сумерки и влага бродили по полю, собирались серым маревом между небом и землей, сгущались то там, то здесь, из оврагов ползли угрюмые тени. Милава крепче вцепилась в руку брата: холод, тьма, сырость навевали страх, внушали чувство, будто поблизости бродит опасное и злобное существо. Теплая беседа с ярким огнем в очаге уже казалась недостижимым счастьем, и Милава шурилась, всматривалась в серую пелену, старалась скорее увидеть впереди дубраву. И нечего думать по такому ужасу идти обратно, надо будет у Моховиков ночевать.

В стороне от дороги, в поле, ей почудилось какое-то движение. Милава взгляделась, но не могла понять, то ли посреди поля шевелится живое существо, то ли маются тени дождя. Потянув Брезя за руку, она показала ему туда.

– Мряка* ходит, – тихо ответил ей брат. – Не смотри туда, а то расти начнет и все небо закроет. Чуры добрые, сберегите нас!

Мряку заметили и другие братья. Осенясь знаком огня, они снова прибавили шаг, почти побежали. А Мряка не отставал: двигаясь по полю вдоль дороги, он постепенно приближался, все рос и рос, и вот уже серое облако приняло очертания человеческой фигуры.

Тут Милаве стало по-настоящему страшно: она спряталась за Брезя и на ходу выглядывала из-за него. Чтобы поспеть за братьями, ей приходилось почти бежать, ноги ее скользили на мокрой грязи, платок сбился на затылок, по лицу текли холодные капли дождя.

– Братцы! Упырь!* – вдруг закричал старший из братьев, Заренец.

Милава посмотрела еще раз и вскрикнула. В двух десятках шагов от дороги по полю скакало перепачканное землей и грязью существо, покрытое лохмотьями грязной шкуры, то ли надетой, то ли облезающей с тела, с растрепанными волосами, почти закрывшими лицо, а из-под волос дурным огнем горели глаза. Упырь облизывался длинным красным языком и скалил зубы с выступающими верхними клыками, грязь у него под ногами чмокала, и сам он чмокал широким ртом. Проваливаясь в кротовые норы, скользя на мокрой неровной земле, упырь шатался, нелепо размахивал лохматыми руками и ногами, но двигался очень быстро и приближался к дороге. Его бессмысленные горящие глаза смотрели прямо на людей.

Милава хотела закричать, но сама зажала себе рот, закусив губу. Может быть, упырь еще не чувствует их, а она привлечет его своим криком. Ветер был в их сторону, и в холодном потоке явственно слышался запах плесени. Побледневший Брезь одной рукой крепче обнял сестру, а второй выхватил нож из ножен на поясе. Но чем здесь поможет простой нож? Упырь тем и страшен, что он уже перешел смертную черту и вернулся, не принятый миром мертвых, его не возьмет простое оружие. Он был мертв и холоден, как камни, но двигался и грозил живым, хотел выпить из них тепло жизни, не полной мерой отмеренное ему. Но его это не оживит и не согреет, а живых утащит за ним во тьму и холод Кошного владения*.

– Бегом, братцы! – севшим от страха голосом прохрипел Заренец, не стыдясь своего испуга. Лучше волк, лучше медведь-шатун, чем упырь! – Бегом, он чувствует нас! Дед, помоги!

Вешничи припустились бегом. Брезь ташил за руку Милаву, она скользила по грязи и чуть не падала, дрожа от страха, собственная промокшая коса тяжело била ее по спине и подгоняла: беги, беги, уноси ноги! Задыхаясь, Милава жадно ловила открытым ртом холодный ветер, горло ее заболело, в груди теснило, в боку кололо, ноги были как деревянные, а леденящий ужас гнал и гнал вперед.

– Не оглядывайтесь! – хрипел Заренец. – Деда зовите – может, отстанет!

Но парни все равно оглядывались – иначе казалось, что вот-вот ледяные лапы с медвежьей силой вопьются в плечи. Забыв все обереги и заговоры, братья бежали во весь дух, едва не падая, и даже самому смелому хотелось забыть науку осторожности и по-детски звать маму.

Вот и дубрава; спасение было близко. Издалека стал долетать грохот и звон железа, крики, через оголенную дубраву замелькали огни. Упырь отстал, убоявшись то ли Перуновых деревьев, то ли шума и огня. В воротах займища стояло с десятков человек, мужики и парни гремели железом, размахивали факелами, кричали, лаяли собаки. Мокрые от дождя и пота, запыхавшиеся Вешничи из последних сил вбежали во двор, и ворота сразу же закрылись за ними.

– Видели? Где он? Не тронул? – со всех сторон посыпались возбужденные вопросы, хотя ответы были ясны и так.

– Там! В поле отстал! Здоровый, Мороков* сын! Ух, чуть не дух вон, как бежали! Уж думали – сожрет! А клыки-то! Ой, чуры добрые! – едва дыша, отвечали Вешничи.

Милава молчала, хватая воздух ртом, всей тяжестью повиснув на плече Брезя – ее не держали ноги. К ней подбежали Малинка с наброшенным на голову отцовским плащом и Горлинка, оторвали от брата, с возгласами потащили в избу вытираться, переодеваться и сохнуть. Парню что – отряхнулся и здоров, а девке простыть – смерть.

Гостей отвели в беседу, где уже ярко горел огонь в очаге. За прошедшие дни сюда натаскали целые вороха обтрепанного, но нечесаного льна, теперь он был навален на полу серыми рыхлыми грудками, и из-за него в просторной беседе казалось тесно. Сюда же собрались женщины и девушки, которым не терпелось послушать про упыря. Стянув мокрую одежду, Вешничи расселись вокруг огня, девушки заварили им брусничных листьев, развели отвар медом, принесли пирогов, каши, блинов. Обогревшись и наевшись, Вешничи повеселели и стали рассказывать про встречу с упырем.

– И откуда только взялся? – удивлялись гости. – Уж сколько лет у нас упырей не видали! Я вовсе сроду ни одного не видал!

– Вот и повидал! – ответила Березка Встреню, младшему брату Заренца. – Нам его гости чуроборские оставили.

– Да ну?

– А вот так! Наутро, как стали они собираться, кметь один у них больным оказался. Говорили, что через порог ночью спотыкнулся да голову сильно зашиб. Так и лежал без памяти. Что-то темнят гости, мы еще тогда подумали. С чего бы ему голову зашибать? Обещали после за ним прислать, да вот...

– Не прислали?

– Приезжали тут трое. Да он их не дождался – помер. Два дня у нас полежал да и помер.

– Так и не опомнился?

– Не опомнился. Все стонал, метался, как в горячке, а чело холодное, да все бормотал: «Волчий глаз, волчий глаз!»

– Волчий глаз? – Заренец удивленно почесал лоб. – Про что это он? Не волк же к вам ночью через тын заскочил.

– Зачем через тын? Сами пустили, в ворота. Мы так думаем, тут без княжича ихнего не обошлось. – Березка тревожно огляделась и заговорила шепотом: – Волк-то – он и есть!

В истобку вошла Милава, переодетая в две сухие рубахи Горлинки и обутая по-новому. С ней шли Горлинка и Малинка с толстыми свертками льняного полотна. На свадьбе невесте придется всех родовичей жениха одарить рушником, платком, рубахой, рукавицами, кушаком, а ведь Лисогоров без малого полсотни человек! Поэтому Малинка радовалась, что Милава пришла помочь ей.

Ступив за порог, Горлинка сразу отыскивала глазами Брезя. От стараний матери, расчесавшей ему голову, не осталось и следа, мокрые волосы медленно сохли, рубаха на плечах тоже была влажной, но Брезь обо всем забыл. Он увидел Горлинку, а ради этого стоило идти по любой непогоде хоть через десяток упырей. Горлинка незаметно подошла и села рядом с ним, хотела что-то сказать, но только положила руку на плечо Брезю и прижалась к нему лбом. Она так боялась за него, зная, что Вешничам идти в сумерках мимо упыря! Брезь обнял ее и прижался лицом к ее волосам, тонко пахнущим ромашкой. И пусть все смотрят – уже не важно.

Но на них никто не смотрел – всех занимал упырь.

– Хоронить-то его огнем дед Взимок не велел, говорит, дурной смертью помер, Огонь обидится, – рассказывала меж тем Березка. – Отволокли его на глухую поляну к Белезени да там зарыли. А он на другую ночь и вышел.

– Что же вы сразу его колом не проткнули?

– Над могилой костер жгли, думали, до завтра не выпустит, а там мы хотели Елову позвать, а ее дома не случилось. Не ждать же было, чтобы он тут лежал!

– Вот и поспешили!

– А ты хотел, чтобы он у нас на займище лежал, чтобы встал ночью и всех нас загрыз? Сам-то думаешь, полено дубовое, что говоришь?

– Сама полено!

– Это все оборотень виноват, сглазил его. Теперь каждую ночь под тыном зубы скалит. Двух собак загрыз у нас. Вот оно как, оборотней в гости пускать!

– Да правда ли он оборотень? – усомнился Встрень. – Может, одна бабья болтовня?

– Ничего не болтовня! – убежденно возразила Березка. – Я у Тополя спрашивала, правда ли. Он говорит – правда, как есть оборотень. А Тополь с ним всю жизнь живет, с малых лет его знает и сам видал, как княжич в волка превращался!

– Да ну! – Один из парней-Моховиков недоверчиво махнул рукой. – Видел я, как ты с тем кметем... Тут и не то соврешь, когда с девкой...

– Да уж ты по себе знаешь! – накинулась на брата Березка.

Пока все говорили об упырях и оборотнях, Милава и Малинка пошли к столу и раскатали лен, принялись отмеривать будущие полотенца. Уловив имя Огнеяра, Милава стала прислушиваться, как вдруг кто-то позвал ее.

– У своей же сестры бы и спросил, кто он такой! – говорила Березка Заренцу. – Он с ней больше всех водился!

Все обернулись к Милаве. Она почувствовала, что краснеет от досады. Ее и дома донимали расспросами об Огнеяре, и ей это было неприятно.

– Не знаю я ничего! – с обидой отозвалась она. – Вы все его видели не хуже моего!

К ней торопливо подседа одна молодуха родом из Черничников, которые далеко славились своим многочисленным и вредным бабьем.

– Да ну, не вертись! Давай рассказывай! – настойчиво приставала она. – Правда, что у него шерсть на спине? И хвост сзади? А он целуется или кусается?

Кто-то смеялся, а Милава покраснела почти до слез:

– Не знаю я ничего! И не было ничего такого! Отстань ты от меня!

– Скажешь – не было! Мы про него знаем – он на какую девку глаз положит, та от него не уйдет! Он девок глазами завораживает, а они потом ума лишаются!

– Да оставьте ее! – вступилась за Милаву Малинка. – Она с нами тогда спала и со двора не ходила ночью!

– А мы от упыря всю ночь костер жжем! – рассказывали тем временем парни-Моховики. – Видали, сколько можжевельника на дворе навалено? Вот, для костра. По трое сидим, чередуемся. Будете с нами сторожить?

– Как же думаете от него избавляться? – спросил Заренец. – Или так всю жизнь и терпеть?

– Ждем до завтра, до четверга. Дед Взимок хочет с мужиками могилу разрыть да колом его осиновым. Оставайтесь – с нами пойдете.

Конечно, идти домой ночью мимо упыря Вешничи и не думали, разговоры затянулись до полуночи. Милава была рада, что ее оставили в покое. Подшивая край полотенца, она в мыслях продолжала спорить с вредной Черничницей, доказывать ей, что ничего-то у нее не было с чуроборским княжичем-оборотнем... Или все-таки... Может, он и правда ее сглазил, что теперь из ума нейдет?

А еще и упырь! Ведь выходит, что Огняр оставил Моховикам упыря. Но разве он виноват? Кто знает? Он был как черный омут – то ли там глубоко, то ли мелко, то ли тепло, то ли холодно, а держись-ка подальше – целее будешь. Перед Милавой снова встало его лицо – улыбка у него совсем человеческая, а два верхних клыка выдаются... Но ведь совсем чуть-чуть, не как у того упыря, что теперь поскуливает под тыном, как голодная собака. А вдруг и про шерсть тоже правда? Холодок пробежал по спине Милавы, когда она пыталась представить это доказательство волчьей, оборотнической сущности Огняра. Тогда он тоже – часть темного нечеловеческого мира, как тот упырь, от него тоже надо бежать без оглядки, призывая чуров на помощь.

И все же Милава не хотела в это верить, сердце ее противилось тому, чтобы выгнать Огняра из мира живых. Она помнила его сильные горячие руки, поднявшие ее на коня, – в нем был не могильный холод, а живое тепло, не меньше, а больше, чем у иных людей. А главное – глаза, такие странные, полные нечеловеческого пламени, но во взгляде их отражалось обычное человеческое желание быть понятым и принятым... Матушка Макошь, да может, все это морок, обман? Ведь сам Огненный Змей, тот, что прилетает к девушкам и одиноким женщинам, тоже представляется им красавцем, перед которым невозможно устоять...

– Милава, ты чего задумалась? – Малинка дернула ее за рукав, удивляясь, отчего сестра опустила полотенце на колени и смотрит в огонь очага, чуть-чуть улыбаясь. – О женихе замечталась?

Милава бегло глянула на сестру, улыбнулась и снова взялась за вышивку. О женихе! Скажет тоже!

Утром все займище было в волнении. Пришел четверг, Перунов день*, самый подходящий день для изгнания нечисти и нежити. Мужчины по очереди прыгали через костер на дворе, чтобы можжевеловый дым пропитал их одежду и не подпустил упыря близко. Три мужика сходили в лес и вытесали там крепкий осиновый кол. Женщинам и детям запретили выходить не только за ворота, но и из домов – под крылышком у чуров безопаснее. Приближался полдень, и мужчины отправились к поляне над Белезенью, где неделю назад зарыли чужого мертвеца.

Земля над могилой была взрыта и перемешана с углем, значит, мертвец выходит.

– Огонь, огонь давайте! – суетился Взимок, стараясь сдержать дрожь. – Не топчитесь близко, только разбудите его зря!

Неподалеку от могилы развели огонь – под его защитой было чуть поменьше страшно. Самый крепкий из мужчин-Моховиков, Поярок, взял приготовленный кол с обожженным острием и встал наготове, а двое других принялись осторожно раскапывать могилу. Было тихо, только ветер гудел в близком лесу. Ветер метался, дым от костра кидало из стороны в сторону,

он лез в глаза и в горло, мужики морщились, утирали глаза рукавами, но даже браниться вслух не смели.

Вдруг один из копавших охнул – земля на дне ямы под лопатой чуть шевельнулась, словно ее толкнули изнутри. Все замерли.

– Ройте! Ройте живее! – шепотом визжал Взмок, теребя конец бороды, от испуга и возбуждения приплясывая на месте.

Мужики принялись копать еще быстрее, торопясь скорее покончить с этим жутким делом. Поярок крепче сжал кол. Лопата зацепила край ткани или шкуры – в грязи трудно было разобрать. Видны стали очертания человеческого тела, и оно было заметно крупнее того умершего кмета, которого положили в эту могилу неделю назад.

И вдруг тело дернулось, подпрыгнуло и вылетело из могилы, расшвыривая комья грязи и мокрой земли. Мужики с криками попадали на землю, Поярок вскинул над собой кол, словно хотел им защититься. Мертвец, весь в грязи, раздутый, как лесной клещ, кое-как обмотанный остатками рваной грязной одежды, выскочил на поверхность и сразу встал на четвереньки, с его отвисших губ капала пенистая слюна, несло дурным запахом гниющего трупа, застоявшейся крови, холодной сыростью осенней земли.

Отскочив от ямы, мертвец так же на четвереньках бросился бежать к лесу, не тронув никого из людей; одни из них орали без памяти, другие онемели от ужаса. Мертвец бежал быстрее лошади и почти сразу скрылся в лесу, только его дурной вой долго еще доносился издалека, подхваченный мелкой лесной нечистью, не залегшей еще в зимнюю спячку.

Не скоро Моховики пришли в себя. Постанывая, они поднимались на ноги, тревожно озирались, дрожащими руками пытались отряхнуть грязь с одежды и лиц.

– Что же ты его... не тыкнул? – заикаясь, спрашивал Взмок у Поярка.

– Да он... того... больно скор... – бормотал Поярок, одной рукой опираясь на кол, а второй потирая горло, как будто его кто-то только что душил. – Кто ж знал, что он так скакнет... Сам никого не тыкнул, и то слава чурам...

Один из мужиков подошел к яме и опасливо заглянул. Сквозь осыпавшуюся землю проступало темное пятно свернувшейся крови. Мороз продрал каждого, кто это заметил. Вот отчего упырь так вырос – задрал кого-то. Кого, из какого рода? Как далеко он уходит за ночь?

– А здоровый-то! – постепенно отходя от страха, толковали мужики. – С бычка! С медведя! Такой и медведя завалит! А бежал-то! И конем не догнать! Где ж он теперь?

Взмोक огладил бороду.

– Здоровый, да, – озабоченно протянул он. – И колом такого не взять! Такого только рогатиной! Видно, без Оборотневой Смерти нам не обойтись!

Снег выпал и растаял, опять выпал и опять растаял. Зимерзла то подступалась ближе, то снова отступала, отброшенная молчаливым упрямым Трояном*, не желавшим отдавать земной мир во владение скупой злобной старухе. Но Перун Громовик уже спал зимним сном в густой грозовой туче, и руки его непреклонного брата слабели, секира уже не так уверенно грозила белым ездовым волкам Зимерзлы, и ей все чаще удавалось подсыпать снега на грудь Макоши-Земли. Как голодная собака, Зимерзла подкрадывалась, жадно отрывала по куску от светового дня, от тепла слабеющего солнца. В борьбе полуколов* земной мир был похож на линяющего зверя, носящего на себе остатки старой и начало новой шубы.

В лесах, на полях и лугах было пусто и тихо, а в Чуроборе на княжьем дворе, напротив, начиналось оживление. После сбора урожая пришла пора собирать княжескую дань. Князь Неизмир сам ходил в полюдь* редко, раз в три-четыре года, – берег небогатое здоровье. В эту зиму он тоже оставался дома. Вести полюдь предстояло его младшему брату, Светелу.

Несмотря на молодость, Светел уже был уважаем как толковый советчик и надежный помощник князя. В Чуроборе к нему относились хорошо, и он, благодаря своему знатному

роду, уму и отваге, с большой вероятностью мог бы вслед за братом стать новым чуроборским князем. Племя дебричей, жившее далеко от больших торговых городов, вдали и от южных, и от северных соседей, хранило обычаи старины, и порядок наследования престола у них не был четко определен. На княжескую власть мог претендовать и муж княжны, и его брат, наравне с собственно княжескими сыновьями, а выбор делало вече*. Светел вполне мог рассчитывать на его поддержку, при условии, конечно, что оборотень не помешает.

А вот уж кому не было дела до сбора дани, так это княжичу Огнеяру и его Стае. Не замечая предотъездной суеты княжеских емцов*, они жили обычной жизнью. В Чуроборе любили поворачать по осени: совсем взрослый, дескать, княжич вырос, давно жениться пора – только кто за такого пойдет? – а отчиму не помощник, только и знает, что по ловам скакать. Одно слово – Дивий! Огнеяру и правда было бы слишком скучно из года в год ездить одной и той же дорогой – сначала вверх по Белезени, потом лесом до Стрема, потом вниз по Стрему опять к Белезени. А сама дань – считать мешки с зерном, связки шкурок, браниться, что слишком мало, выслушивать сбивчивые оправдания смердов*. Да еще разбирать путаные жалобы родов друг на друга и судить, кому издавна принадлежала вон та луговина и чье право ловить карасей в– о-он в том пруду! Все это загнало бы Огнеяра в Кошное владение куда быстрее и надежнее любой трижды священной рогатины. Вот это была бы верная «оборотнева смерть»!

За пару дней до намеченного отъезда полюбя князь Неизмир сидел в своей теплой горнице* с тиунами*. На вышитой скатерти перед ними были разложены свитки бересты – князь просматривал уговоры с родами, с какого сколько и чего полагается взять. Такие договоры были у него со всеми родами подвластных земель – большего не запросишь, но и меньше не возьмешь, выгодно и спокойно. Князь Неизмир считал себя хорошим князем, и не без права – все годы его правления внутри дебрических земель было мирно. Без нападений извне никто не обходится, но брат на брата при Неизмире с копьем не ходил.

Со двора, заглушая сухой шорох бересты, доносился шум, топот, выкрики – Огнеярова Стая занималась своими ежеутренними воинскими упражнениями. Огнеяру многое можно было поставить в упрек, но только не пренебрежение ратным искусством. Если на дебричей пытались нападать дикие личивины или пущень, то именно Огнеяр со своей Стаей в последние три года выходил встречать врагов. И лесные племена по се поры оставались в своей глуши.

Судя по отсутствию железного звона, сегодня они бились без оружия. Рукопашную борьбу княжич-оборотень любил даже больше – ведь зверь бьется без оружия, только с тем, что дала Мать Макошь. Неизмир старался не слушать, морщил лоб, вглядываясь в берестяные листы, даже зажимал ладонями уши, но ничего не помогало. Ликующий победный крик пасынка, когда очередной противник летел на землю, все равно достигал его слуха и мучил хуже любой беды. Что может быть хуже победного крика твоего врага, даже если на сей раз побежден еще не ты?

Промаявшись какое-то время, князь отпустил тиунов прочь и послал за братом. Очень скоро отрок* доложил, что боярин Светел идет, и вслед за тем в горницу, согнувшись в низкой двери, вошел высокий стройный витязь двадцати четырех лет. Его светлые волосы были опрятно подрезаны, лицо обрамляла красивая небольшая борода. Рубаха на нем была из ярко-красного, дорогого заморского сукна, сапоги из красного сафьяна, прошитые золотой нитью, – работа орьевских умельцев.

– Звал, княже? – спросил Светел, поклонясь. – Здоров ли ты сегодня? Хорошо ли спал?

Он не из пустой вежливости задал этот вопрос – Неизмир выглядел плохо. Братья имели общего отца, но разных матерей, и в лицах их не было ни малейшего сходства. Рядом с молодым, красивым Светелом огрузневший, смуглый, с крупными чертами лица Неизмир казался хмурым вечером перед ясным утром. А сегодня у него под глазами отчетливо видны были набухшие коричневые полукружья, в глазах краснела тонкая кровяная сетка, морщины на лбу углубились, даже седины в темной бороде, казалось, прибавилось за ночь.

– Здоров я, спасибо! – Подойдя ближе, Неизмир положил руку на плечо более высокому брату и ласково пожал. – Садись.

Светел был моложе брата на двадцать два года, и князь всю жизнь относился к нему скорее как к сыну, в котором Макошь ему отказала. И в бездетности он тоже винил Дивия. Разве обошла бы их дом милостивая Мать Всего Сущего, если бы ее не отпугивал оборотень? Но если бы Мать Макошь спросила Неизмира, какого сына он желает, он указал бы на Светела. Молодой боярин был умен, деятелен, не обижен удалью, почитал древние заветы предков, уважал стариков, был ровен и вежлив с ровесниками. Ему одному Неизмир доверял – почти все! – и ему одному хотел бы оставить после себя чуроборский стол. Не было бы на свете лучшего князя, но на пути Светела опять стоял оборотень – ленивый в делах и усердный лишь в забавах, дерзкий, несдержанный. Оборотень, живое несчастье для рода и племени.

– Я в путь готов, брате! – рассказывал Светел, когда Неизмир усадил его на лавку, крытую пестрым куркутинским ковром. – Только жертвы принести – и то уже двух баранов почернее Двоеум выбрал, в хлеву стоят. Велес доволен будет, даст легкий путь.

Неизмир незаметно содрогнулся, услышав имя Отца Стад, повелителя земных и подземных богатств, покровителя дорог. Ему стыдно было бы обижаться на Велеса, сделавшего дебрических князей одним из самых богатых княжеских родов по всем говорлинским племенам, но Велесу же Неизмир был обязан и самой тяжелой заботой своей жизни. Что толку в богатстве, когда живешь с камнем на душе?

– Я знаю, что ты готов, потому и позвал, – подавляя вздох, ответил Неизмир. – Все простые дела ты, брате мой милый, и сам знаешь. Пора о важном поговорить – за чем в поход идешь.

– За чем? – Светел удивился. – Разве не за данью? Или ты ратное какое дело задумал?

– И за данью, да и ратное, пожалуй, тоже.

Неизмир помолчал, подбирая слова. Светел ничего не знал о его попытке покончить с Огнеяром руками Трещаги, но теперь пришла пора посвятить его в самую тяжкую из княжеских забот.

– Не одну дань ты будешь искать, – заговорил он снова. – Искать ты будешь жизнь нашу, от беды лютой избавленье.

– Что за беда? – Светел тревожился, не понимая брата, на его высоком ясном лбу залегла глубокая морщина, и вот теперь в лицах братьев появилось неуловимое сходство.

– Эй! Давай третий! Иди, Ярец, брату помоги, не убью! – резко, словно стрела, ворвался снизу, со двора, выкрик Огнеяра. Судя по голосу, он немного запыхался, но был полон боевого азарта.

Неизмир невесело усмехнулся, а лоб Светела разгладился. Он понял, о чем говорит брат.

– Двоеум мне открыл, что в нашем племени есть где-то рогатина, из небесного железа откованная, и что этой рогатиной любого оборотня убить можно, – тихо, словно Дивий со двора мог их услышать, заговорил Неизмир. – Любого, ты понимаешь?

– Но ведь он... – начал Светел.

– Что он? – перебил его Неизмир.

Вскочив с лавки, он несколько раз прошелся по горнице. Ни жене, ни брату он не хотел вслух признаться в том, что не просто недолюбливает оборотня – об этом знал весь Чуробор, – а в том, что боится его. Часто первым нападает именно тот, кто больше боится, у кого не хватает душевных сил жить в ожидании удара.

– Ты пойми: он – оборотень! – горячо, с прорвавшейся ненавистью заговорил князь, остановившись перед братом. – Он волк, он смерть наша! Не сегодня, так завтра! Он на нас с тобой зубы точит! Думаешь, он до старости за девками будет бегать да по лесам кабанов травить? Нет, ему большего надо! Он часа своего ждет! А нам на этот час нечем его взять! Нет такого ножа, нет такого копья, чтоб его шкуру пробило!

– Да может, это все бабьи басни, – пытался успокоить его Светел. – Коли он что худое задумает – тут и найдется на него копьё!

– Нет, не бабьи, я уж знаю! – в запале выкрикнул Неизмир. Но кричал он шепотом – страх держал его за горло.

– Знаешь? – повторил Светел, глядя ему в глаза. И по глазам Неизмира он понял, что тот и правда знает. Проверял.

Князь тоже понял, что брат обо всем догадался, – они слишком хорошо знали друг друга. Замолчав, он снова сел на лавку и отвернулся, не зная, как Светел это примет. Брат был его последней надеждой.

– А он знает? – чуть слышно спросил наконец Светел.

– Не знаю, – выдохнул Неизмир. – Прямо не говорил. А по глазам его видно – знает. И он нам этого не спустит. На всем свете на него одна рогатина годится – Оборотнева Смерть. В ней жизнь наша. Найдем ее – одолеем оборотня. Не найдем...

Не договорив, Неизмир отвернулся, низко опустил голову. Светел помолчал. Редко ему случалось видеть старшего брата в таком волнении, в таком гневе, в таком страхе, какой сквозил за его лихорадочно-горячими речами. И не только за рогатиной – за Живой Водой в долину между миром живых и миром мертвых Светел пошел бы, лишь бы вернуть брату спокойствие духа, уверенность, радость жизни. Ведь двадцать лет назад он тоже был молод, полон сил, умел любить, умел радоваться жизни. И все умерло в нем от жизни бок о бок с проклятым оборотнем!

– Где искать ее, эту рогатину? – спросил Светел после молчания.

– На Белезени, – ответил князь, и на душе у него сразу полегчало от сознания, что брат понял его и согласен с ним. – В роду каком-то хранится с давних времен. В каком – и Двоеум не знает. Поезжай медленно, не торопись, по три дня в каждой стоянке живи, людей расспрашивай. А найдешь – ничего не жалея. Выкупи, сколько ни попросят. От дани освобождай хоть на век. Только силой не бери – тогда она свою силу утратить может. Двоеум говорил.

– Я найду. – Светел успокаивающе положил руку на плечо брату. – Не тревожься. Без рогатины не вернусь.

– А найдешь – не медли. Полюдь бросай, прямо сюда скачи. Только берегись. Оборотень пронюхать может. Береги себя, брате. На тебя вся надежда моя.

Простившись с братом, Светел спустился из горницы на двор. Теперь ему хотелось скорее отправиться в путь, и он шел поторопить челядь с последними сборами, но на крыльце ему пришлось задержаться. Прямо перед ступеньками, не дальше двух шагов, Огнеяр боролся с Тополем – под конец утра только этот его любимец, четырех с лишним локтей* роста и крепкий, как дубок, а не тополь, и мог быть достойным противником оборотню. Остальные кмети стояли по сторонам и криками подбадривали противников, взрывом радостных воплей встречали каждый удачный удар. Огнеяр соединял в себе ум человека и силу зверя, поэтому его успех никого не удивлял. У обоих противников волосы взмокли от пота, от напряженного дыхания на осеннем холоде валил пар. Тополь устал больше, но не сдавался и бил, не жалея. Тех, кто так или иначе боялся биться с ним всерьез, Огнеяр в своей Стае не держал.

Наблюдая за быстрыми, безостановочными движениями противников, за их сильными и точными ударами, Светел на миг представил себя на месте Тополя и невольно содрогнулся. Может быть, Дивий только и умел, что драться, но уж это он умел хорошо. Даже в холодный день предвзятого Огнеяр сбросил рубаху – его грело Подземное Пламя. Светел смотрел в его смуглую спину, по хребту прочерченную серой полоской волчьей шерсти, и вдруг поймал себя на ощущении, что смотрит с прицелом, как будто держит в руках лук с наложенной боевой стрелой. Но простым оружием его не возьмешь.

Тополь пытался ударить выставленным локтем, но Огнеяр выскользнул из-под удара и оказался у Тополя за спиной, без замаха мгновенно и сильно ударил в челюсть, и окончательно вымотанный Тополь рухнул на землю. В следующее мгновение оборотень уже сидел на нем.

– Срубили Тополя! – смеялись кмети. – Березы плачут!

Светел сумрачно нахмурился, глядя на исход поединка. Быстрота, неутомимость, всегдашняя готовность к борьбе – опасные качества у врага. А Огнеяр обладал всеми способностями волка, может быть, самого жизнеспособного из всех созданий Матери Макоши.

– Загрызу, пень трухлявый! – гневно выкрикнул Дивий. – Еще раз так быстро рухнешь...

Должно быть, падая, Тополь успел что-то заметить, а лежа подать Огнеяру какой-то знак. Не договорив, Огнеяр выпрямился, и Светел понял, что его обнаружили.

Дивий поднялся на ноги и повернулся. Бывали дни, когда он вовсе не замечал Светела, проходил, как мимо пустого места. Но сегодня, когда Светелу особенно не хотелось смотреть в лицо оборотню, у того был иной настрой. Злобные духи заставляли его делать все назло. За спиной Огнеяра тут же встал Тополь, ладонью отирая пот со лба, кмети все повернулись к Светелу. На мгновение стало тихо. Светел ощущал на себе взгляды тридцати двух пар глаз и чувствовал себя оленем перед волчьей стаей. Но оленем, вовсе не собирающимся безропотно подставлять горло под рвущие клыки.

– Куда спешишь-то, воевода грозный? – с показной небрежностью обратился к нему Огнеяр.

Светел внутренне собрался, как перед дракой. С самого детства устремленный на него горящий взгляд оборотня вызывал у него чувство близкой опасности и необходимости защищаться. Всю жизнь сын княгини и брат князя, будучи почти ровесниками, соперничали почти во всем и в детстве часто дрались. Уже в отрочестве умный и осторожный Светел научился уходить от постоянных драк, в которых неукротимая задиристость Огнеяра возмещала разницу в четыре года – а в детстве и отрочестве это очень много. Четыре года, когда он уже был посвящен в воины, а Дивий нет, Светел жил спокойно – отрок не имел права задирать воина, и даже Дивий это признавал. Но вот уже восемь лет, как все началось снова. Неизмир прав – рано или поздно их честолюбивая борьба превратится в борьбу за место среди живых. И, трезво глядя на вещи, Светел не был уверен в своей победе.

– По делам боярин спешит, – из-за плеча подсказал Огнеяру Тополь, безразлично, как будто сам Светел их не слышал.

Именно такое обращение больше всего раздражало Светела и побуждало принять вызов. Он немного побледнел и подался вперед. Может, и правда оборотень не уймется, пока его не проучишь!

– С твоей земли дань собирать, – добавил Утреч.

– Не замерз ли? – насмешливо спросил Огнеяр у самого Светела, окидывая взглядом его кожух* на белом горностаевом меху. – Гляди, братья, какая одежда! Никак в самом Орье не шили?

– А то как же, – согласился Тополь. – Сам князь орьевский и подарил.

– Со своего плеча! Видишь, рукавички-то позатерлись! – кинул Утреч.

Светел стиснул зубы, глубоко вдохнул – это уже было явное оскорбление. Огнеяр заметил – этого он и добивался.

– Иди сюда! – позвал он. – Разогрейся с нами, боярин-свет, а то засиделся в палатах! Смотри, до срока поседеешь!

Светел вспомнил брата, в тридцать лет начавшего сидеть – не оборотню попрекать его этим! – и в нем вдруг холодной волной вскинулась такая ненависть, какой он в себе не знал. На миг он с наслаждением представил, как его клинок летит вперед и впивается в горло Дивия, как хлещет на землю черная, смолистотягучая кровь оборотня, и он стиснул рукоять меча на поясе.

«Простым оружием его не взять!» – сами собой вдруг прозвучали в его ушах слова брата. И Светел сдержал порыв. Еще не время. Но придет пора, и он рассчитается с оборотнем за все.

– Бойтся! – с понимающим видом, опять как о глухом, предположил Тополь.

– Да ведь нос разобьют – девки любить не будут! – опять встрял Утреч, и вся Стая дружно, с удовольствием засмеялась – заржала, как табун жеребцов. Светелу часто казалось, что Огнеярова Стая – это не тридцать два отдельных человека, а единое существо, чудовище, обладающее тридцатью двумя парами зорких бесстыжих глаз, сильных рук, неутомимых быстрых ног, но всего одной головой, думающей и управляющей, – головой самого Огнеяра. Поразив его сердце, закаленное Подземным Огнем до крепости стали, можно разом уничтожить всех.

– Недосуг мне с вами забавляться, – медленно, с тайным презрением ответил Светел и небрежно сошел с крыльца. – И без вас дел хватает.

Неизвестно, что ответил бы он при других свидетелях. Но сейчас их никто не видел. Челяди Светел не стеснялся, а Стая и так считает его изнеженным трусом. Ничего. Придет время, и эти переярки* узнают, как ошибались.

И Светел пошел прочь мимо молчащей, плотной толпой стоящей Стаи. Каждый мускул в нем был напряжен, всем существом он ждал, что ненавистный голос оборотня бросит ему вслед одно только слово, и тогда... Нет, он сумеет сдержаться. Не побояться выглядеть трусом в чьих-то глазах – на это тоже нужно мужество.

Но Огнеяр молчал. Если бы Светел обернулся в этот миг, то увидел бы на его смуглом лице не торжество, а угрюмую озабоченность. Нахмурясь, Огнеяр крепко закусил белыми зубами нижнюю губу, один из верхних клыков был хорошо заметен. Без привычки глянувший бы на Дивия в этот миг от страха лишился бы языка.

Тополь слегка подтолкнул Огнеяра плечом:

– Чего задумался? Холку мы ему всегда начешем.

– Любит Утреч врать, а тут правду сказал, – медленно ответил Огнеяр. – С моей земли он поедет дань брату. С моей.

Стая озадаченно молчала. Их вожак заговорил о том, чего они от него не ждали.

– Да ладно тебе! – Тополь положил руку ему на плечо, горячее даже под холодным ветром предзимья. – Пора-то какая! Макошина неделя на носу! Не забыл?

Огнеяр обернулся к Тополу, усмехнулся и вдруг быстро ударил его в плечо. Отдохнувший Тополь поймал удар почти на замахе и немедленно ответил. Огнеяр резко свистнул, и тут же Стая, разбившись на две половины, кинулась друг на друга. Разинув рты, челядинцы смотрели на быстрое мелькание кулаков, длинноволосых голов, ног и спин, так быстро сменившее недавнее неподвижное безмолвие. Никогда не знаешь, чего ждать от оборотня.

Светел отправился в путь на другое же утро после разговора с братом. Ночью он почти не спал. Страх не глушил его разума, а возникшая ненависть сделала даже более осторожным, и он мог рассуждать здраво. Судьба! Великая Мать Макошь и две ее помощницы, Небесные Пряхи*, прядущие нити человеческих судеб, всегда внушали Светелу благоговейное почтение. С детства он знал назначение оборотня – принести смерть одному из живущих – и надеялся только, что жертвой его суждено сделаться не ему и не Неизмиру. Но уверенность старшего брата теперь передалась и ему. Он, сын княгини, является первым соперником Светела на пути к престолу. О чем же он думал раньше? Надеялся, что оборотень так и проскачет по лесам всю жизнь и сам не захочет брать на себя княжеские заботы? Глупо было так думать, просто не хотелось забивать голову неприятным.

Если Дивий угрожает им – можно ли что-то изменить? Можно ли помешать свершиться судьбе, созданной на небесах? Если нет, то к чему эта поездка, поиски рогатины? Какие же нечеловеческие силы нужны, чтобы по-своему перемотать пряжу Доли и Недоли!* Может быть, у оборотня такие силы и есть, а вот у него, у Светела?

Проворочавшись с боку на бок, Светел поднялся еще в полной темноте, сам растолкал хоромную челядь и с удовлетворением подумал, что сегодня он встал даже раньше неугомонного оборотня. В дружинной избе Стаи, где ночевал и сам Огнел, было еще тихо. Это показалось Светелу добрым знаком – опередил. Ему хотелось верить в благополучный исход затеянной борьбы, и он как мог подбадривал себя.

Стоя на крыльце, Светел ждал, пока ему подведут коня, и снова загадал – не заденет ли конь порога, выходя из конюшни? В двери уже показался заспанный и нечесанный отрок-конюший, как вдруг позади себя Светел услышал резкий скрип двери. На него повеяло теплом из покоев и непонятной силой. Оборотень! Светел резко обернулся, невольно схватился за меч. Перед ним стоял Двоеум.

Чародей выглядел так, будто и не раннее утро на дворе, – его глаза смотрели ясно, русые с тонкой сединой волосы были расчесаны и перетянуты через лоб тесемкой с непонятными красными узорами. На нем была светло-коричневая рубаха с оберегами на поясе, плечи покрывал темный плащ из толстой шерсти. Ветер шевельнул полу плаща, как огромное крыло, и чародей вдруг показался Светелу птицей-вороном, принесшим ему решение судьбы.

– Доброй тебе дороги, Светлый-Ясный! – спокойно сказал чародей, словно не заметив его торопливого движения. – Вон как рано поднялся! Не торопись – судьбу не догонишь, да и от судьбы не уйдешь, а будет срок – сама найдет.

Он говорил о том самом, что так тревожило Светела. Сейчас, перед трудной дорогой, измученному ночными раздумьями Светелу нужен был совет знающего человека – ведь что знают о судьбе простые смертные?

– Скажи, чародей, выйдет ли толк? – тихо, но горячо заговорил Светел. – Коли ему судьба... убить... можно ли его остановить?

– Скажи ты мне – за чем всякий год по Белезни и Стрему едешь? – спросил в ответ чародей.

– За данью, – растерявшись, ответил Светел, не понимая, при чем это здесь.

– Стало быть, твое назначение – дань собирать. Коли поедешь, холода и трудов не убоишься – исполнишь его. А коли дома останешься?

Светел молчал, и Двоеум сам ответил:

– Тогда не исполнишь. Так и он. Судьба-то, она ко всем равна – что к людям, что к оборотням, что к богам самим. Его судьба – сила, и твоя – сила. Чья переборет – и сами Пряхи не ведают. Один свою судьбу исполнит, другой сгинет.

– А я-то исполню ли? – нетерпеливо воскликнул Светел. Он не все разобрал в речах чародея, но понял, что в темном омуте предвечного назначения появился просвет надежды.

– Э, сыне мой! – Двоеум махнул рукой. – Сего я не знаю, а и знал бы – не сказал. Кабы каждый судьбу свою знал, то половина бы жить не захотела. Ты дорогу знаешь – и ступай себе, а по пути разберешь. К смертному часу все до последнего будешь знать.

Весь этот день Светел думал о словах чародея. То ему казалось, что он понимает все, а то – что ничего. На одной из полян над берегом он увидел двух могучих оленей, сцепившихся рогами, – у лесных красавцев была пора гона. Поочередно Велесовы скакуны напирали друг на друга, то один отступал, то другой, но, собравшись с силами, снова устремлялся вперед. Их красивые ветвистые рога были так тесно переплетены, что едва ли их теперь удастся расцепить. Кмети хотели было забить обоих, но Светел не велел. Схватка оленей показалась ему похожей на их схватку с Огнелом. И до самого вечера этот образ стоял перед его взором. «Чья переборет – и сами Пряхи не ведают».

Роды, жившие на один день пути от Чуробора, везли свою дань сами, и первый день дружина полюдя останавливалась лишь ненадолго передохнуть. Светел хорошо знал весь путь по дебрическим рекам, помнил жившие на пути роды, даже кое-кого из старейшин. Первая остановка на ночлег приходилась на род Ручейников. Подъезжая, Светел и его люди удивлялись,

что никто их не встречает. Только в самых воротах они увидели несколько мужчин и женщин. Оглядев кланяющиеся фигуры, Светел узнал одного старика – это был брат старейшины.

– А сам Карась где?

– Помер, к дедам ушел. – Старик указал в небо. – Моровая Девка* у нас побывала, боярин светлый. Да не бойся, – добавил он, когда Светел с конем подался назад. – Давно, той зимой еще. Разом полрода полегло, а кто тогда не померли, и теперь все живы. А коли кто и помер – так то с голодухи, не от мора того.

Светелу не хотелось останавливаться в таком месте, но других поселений, способных принять на ночь его многочисленную дружину, поблизости не было, ночевать в лесу тоже не хотелось – ночи предзимья были очень холодны. Положась на милость богов, Светел решил ночевать здесь. От рода Ручейников осталось не больше четверти, места в опустевших избах было достаточно. Чего нельзя было сказать о съестных припасах и мехах.

– Дани-то тебе нету у нас, боярин светлый! – виновато моргая и разводя руками, почти сразу сказал ему новый старейшина. – Соболей да куниц промышлять некому было, пахали да сеяли мы против прежнего впятеро меньше. Хлеба самим не хватит, желудями спасаемся да рыбой.

Светел без гнева принял это известие и смирился. Неумный и жадный князь перетряхнул бы все займище и забрал бы хоть что-нибудь – но тогда Ручейники вымрут за зиму все и на следующий год здесь будет пустое место. Махнув рукой, Светел принялся расспрашивать, что за болезнь опустошила займище, откуда пришла и широко ли развернулась. Не хватало еще, чтобы ему по всей Белезни разводили руками и указывали в небо!

– Хуже нашего ни у кого нет, – успокоил его старик, хотя его самого это, конечно, мало утешало. – В Сенниках Моровая Девка погуляла, да больше ребятишек пожрала, мужики целы остались. В Рябинниках не то трое, не то четверо померло. А у Моховиков и Вешничей все до одного целы. У Вешничей ведь оберег могучий! Они, говорят, себе и Моховикам займище рогатиной опахали, и ни одной собаки у них не сдохло.

– Рогатиной? – тут же переспросил Светел. Всякое упоминание об этом оружии теперь настораживало его. – Что за рогатина?

– Известно что. – Старик в свою очередь удивился его неосведомленности. – У Вешничей священная рогатина от предков в роду хранится, они ею от всех бед обороняются. Как прослышали про мор, так собрались ночью девки, белые рубахи поверх кожухов натянули, ведунью свою позвали – злая у них баба, а сила в ней могучая! – да с заговором опахали все займище рогатиной, будто сохой. И Девка Моровая к ним ни ногой!

При первых же словах его рассказа, в котором благоговение перемешалось с откровенной завистью, Светела прошиб пот; в избе было не слишком жарко, но ему пришлось вытереть лоб. По мере рассказа он убеждался, что рогатина та самая – другой было бы не под силу оборонить два рода от Моровой Девки. Светел не верил своим ушам – это казалось чудесным сном. Он готовился к долгому и трудному пути, готовился лезть в леса и горы, уговаривать и одолевая ведунов и чародеев, как рассказывают в кошунах*. И вдруг, безо всяких хлопот, в первый же день он находит если не саму рогатину, то хотя бы верные вести о ней!

Вешничи! И трех дней пути не будет до них! Светел неплохо помнил этот многочисленный, трудолюбивый, дружный и вполне зажиточный род, помнил старейшину Берестеня и кое-кого из родовичей. С этими людьми он сумеет договориться. Никакой жертвы не хватит отблагодарить богов за такую удачу! Теперь Светел от всего сердца простил Ручейникам отсутствие дани – такая весть стоила дороже хлеба и шкур.

– А нет ли у нее особого прозвания? – с замирающим сердцем, стараясь не выдать волнения, спросил он у старика.

– Оборотневой Смертью зовут, – ответил старик. Он был слишком занят своими заботами и не заметил, что у молодого боярина вдруг заблестели глаза и задрожали пальцы в перст-

нях. – И Черничников тронуло малость, три бабы у них померло. Да ничего – Черничники еще девок нарожают. Иные дивятся – отчего у них столько девок родится, а парней всего ничего? А ведь и глупый поймет – живут бедно, корешки жуют, желуды да кору сосновую в квашню трут – вот девки и родятся. А то бы вовсе вымерли...

Но про Черничников Светел уже не слушал. Ему хотелось прямо сейчас скакать к Вешничам, не глядя на тьму и противный холодный дождь. Был бы он один – непременно поскакал бы. Но что он скажет дружине? Из осторожности Светел никому не открывал главной цели поездки и даже сейчас, в разговоре со стариком, делал вид, что спрашивает про Оборотневу Смерть из одного любопытства.

Этой ночью Светел почти не спал. Переполюнявшие его радостное нетерпение и волнение были схожи с чувствами жениха в последнюю ночь перед свадьбой. На все лады Светел воображал себе священную рогатину, как неведомую невесту, ощущал в ладонях ее тяжелое древко, отполированное за века многими десятками рук, сочинял речи к ее владельцам. Это и есть она – Судьба! Ищи, говорил Двоеум, коли судьба – найдешь! И пусть они с оборотнем еще стояли, сцепившись рогами, – теперь Светел знал, к кому из них благосклонны боги. Нетерпеливое желание скорее оказаться у цели терзало его, как лихорадка.

И еще одно не давало Светелу сомкнуть глаз: мысли об оборотне. Дивий знает, что они ищут его смерть. Как бы он не пронюхал, что его враги почти у цели. Да и...

Под утро Светел уже уговаривал себя не обольщаться надеждой. Бывает всякое, судьба любит жестоко насмеяться. И чужой злой умысел, и нелепая случайность могут увести желанную цель прямо из рук.

Упырь становился день ото дня все опаснее и наглее. Старики Моховиков во главе со Взимоком пришли к Вешничам просить священную рогатину, а под вечер того же дня Вешничи увидели жуткое серое существо уже под своим тыном. Как волки, суровой зимой доведенные голодом до отчаянного бесстрашия, прыгают через тыны и режут скотину прямо в хлевах, жрут собак прямо во дворах, так и упырь теперь не боялся даже светлого Хорсова лика и бродил над Белезенью целыми днями, серой лохматой тенью шатался от одного займища до другого. Далекое для людей расстояние для него было пустяком. Днем он бродил по лесам и полям, подстерегая случайную жертву. Но все окрестные роды быстро прослышали о нем, и за тын люди выходили только по большой надобности, и то не в одиночку.

А ночью упырь садился то под одним, то под другим тыном и мерзко, протяжно выл. От этого воя стыла кровь, дети плакали от страха, прижимаясь к матерям. Люди не спали, жгли можжевеловые костры всю ночь напролет.

Иногда в дальних лесах раздавался волчий вой. В такие ночи упыря не было слышно – волков он боялся сам и отлеживался где-то в оврагах.

– Весною-то все оживает, солнышко Землю-Матушку греет, корни шевелятся, ростки вверх тянутся, оттого и чурь просыпаются да идут взглянуть, как их внуки поживают, – рассказывал дед Щуряк. – А вот осенью земля мерзнет и мокнет, нечисти в ней мерзко становится, вот она и вылезает в белый свет, ищет, чем поживиться. А Земля-Матушка спит – и удержала бы гадов, не выпустила, да сил нет, всю хлебу отдала. Оттого и зовется осень временем нечистым.

Дед Щуряк с детства был слаб глазами, все время шурился, за что и получил прозвание, а под старость почти совсем ослеп. Сидя в темном углу, он на ощупь плел короба и лукошки и все время что-то бормотал или напевал себе под нос. Вешничи говорили, что дед Щуряк ведет беседы с чурами, с кикиморой, с домовым, и приходили к нему, если хотели что-то сказать или спросить у мелкой домашней нечисти. Дед Щуряк знал множество преданий, забавных баек и быличек. В осенние и зимние вечера дети, подростки, девушки целыми стайками собирались в избу Спожина, где дед Щуряк качал люльки своих правнуков.

– А солнышко трисветлое осенью тоже обессилело, всю силу Земле отдало, – рассказывал дед. – Потому нечисти и нежити осенью воля. А самые дурные дни – от солнцеворота* до новогодья. Старому году конец пришел, а новый едва родился, солнце – что ягненок новорожденный. Вот тут и берегись!

– Нам бы теперь уберечься! – озабоченно ворчали мужики. – И чем мы богов прогневили, что дали нам такую напасть?

– Не о большой ли беде упреждают?

Хорошо, что все полевые работы были кончены, лен свезен, брусника в лесах собрана, а грибы сошли. Упырь никого не пускал из займища. День и ночь ворота были на засове. Только раз в несколько дней мужики выбирались за дровами, и то держались вместе – пятеро рубили, а пятеро сторожили с рогатинами и колами. Но на десяток мужчин упырь не покушался и даже ни разу не подошел близко.

Дети хныкали целый день – не велика радость сидеть взаперти. Молодежь тоже ходила в тоске – упырь грозил лишить их посиделок. Не со своими же сестрами в перстенок играть! Как огромный серый клещ, упырь каждый день показывался возле займища, поскуливал, скалил клыки, ветер нес мерзкий запах трупной вони и плесени. Страх и тоска делались нестерпимы.

Не раз мужчины выходили на него с Оборотневой Смертью. Но упырь, едва заведя священную рогатину и нутром чуя, что в ней его гибель, пускался бежать, а догонять его было нечего и пробовать. Оставалось ждать, пока голод сделает его менее осторожным. Дед Щуряк надумил было сторожить упыря возле его могилы, но из этого ничего не вышло. Обозленные своей первой неудачей Моховики вбили в могилу осиновый кол острием кверху – «по дурости», как говорила ведунья Елова, – и упырь больше к могиле не подходил. Так пропало единственное место, где можно было его подстеречь.

Пришла пора охоты по пороше, но и о ней приходилось забыть. На зайцев всем родом не пойдешь, а выйти одному – самому попасть в зубы упырю. В вынужденном безделье сидя дома, ловцы* перебирали свое снаряжение и горько вздыхали, не зная, доведется ли этой зимой пустить его в ход. А чем тогда будущую дань князю платить?

Томясь от скуки больше всех, самый лучший ловец Вешничей, Корец, учил своих сынишек пицать мышью-полевкой. Прижав к губам тыльную сторону ладони, он тянул в себя воздух, и хотелось оглянуться – где тут затаился маленький серый комочек? Так Корец приманил уже не одну лису. Были у него особые манки, с которыми он подражал крику раненого зайца, и мальчишки наперебой просили попробовать.

– Да угомонитесь! – прикрикнул на них Берестень, которого раздражала бесполезная возня в избе. – Покуда лисьим ловом у нас не пахнет...

Дети стихли, и сам старейшина вдруг тоже замолчал. А потом хлопнул себя по затылку лбу.

– И как я раньше-то не додумался? – воскликнул он. Все домочадцы оставили дела и повернулись к нему. – Вишь, в бороде рожь цветет, а в голове и не пахано! Спасибо чурам – наставили наконец на ум! Мы упыря-то нашего приманим! Мышей-то он не ест, а ведь корова старая вот-вот сдохнет. Чем забивать, лучше мы ее на приманку пустим. Выгоним ее, а сами следом. Упырь кровь живую учует – прибежит.

– Да на что ему корова? – усомнился старший сын Берестеня, Бебря, крепкий и рослый мужик, с чуть выступающими передними зубами, за что его еще в детстве прозвали Бобренком. – Ему человека надо.

– Голод и ему не брат. Люди-то попрятались, он и корове обрадуется.

– Да он в лесу лося или кабана завалит, коли ему звериная кровь по вкусу. Нет, батя, на корову он не пойдет. Человека надо.

– Чур с тобой! – замахал на него руками отец. – Что такое говоришь!

Однако замысел с приманкой был хорош, и Берестень послал трех мужиков за ведуньей.

– Сдурел, сыне, голову застудил! – кричала на Бебрю его мать, бабка Ветоха. – Да как же можно кровопивцу поганому живое дите отдать?

– Не отдать, а подманить! – убеждал ее сын. – Мы ж рядом укроемся, да с Оборотневой Смертью. Он только покажется, а мы его сразу – на рожон! И близко не пустим!

– Меня возьмите, я не боюсь! – беспечно предложил четырнадцатилетний Вострец, третий внук Берестеня. Бабка Ветоха в сердцах дала ему подзатыльник.

Женщины никак не соглашались на такой страшный замысел, и даже Берестень был в сомнении. Ждали ведунью. Елова жила в ельнике одна, но упыря совсем не боялась – у нее была надежная защита, и упырь даже близко не смел подходить к ее избушке.

Но к беде рода Елова не осталась равнодушна и сразу пришла.

– Дело Бебря говорит! – решительно одобрила она возникший замысел. – Ловите гада на живую кровь, иного спасения нам нет. Я много ночей звала волков на помощь, но Белый Князь не хочет нам помочь. Только волкам, Хорсову стаду, дана сила пожирать упырей. Князь Кабанов, покровитель наш, его прогнать не может. И торопитесь. Упырь день ото дня все сильнее. Скоро с ним будет не совладать никому. А на приманку ему не всякий пригоден. Нужно дите не больше двенадцати годов или девка молодая.

– Да кто же свое дитя отдаст? – снова закричала бабка Ветоха.

Девки в ужасе прятались по углам, матери прижимали к себе маленьких детей. Но потребуй Елова – никто не посмел бы противиться. Так нужно для рода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.